

Литературный факт.
2022. № 1 (23)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (23), 2022

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-100-145>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Письма Леонида Андреева к Зинаиде Сибилевой Часть 2 (1892, 1902)

© 2022, Н.П. Генералова, М.В. Козьменко

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия

*Подготовка текста Н.П. Генераловой
Комментарии М.В. Козьменко*

Аннотация: Статья является завершением начатой в предыдущем номере (Литературный факт. 2021. № 4 (22)) публикации полного корпуса писем Леонида Андреева к его первой возлюбленной — Зинаиде Николаевне Сибилевой. Роман между ними имел бурное и весьма нелинейное развитие в 1889–1892 гг. В письмах выявляются многие ранее не известные реалии жизни гимназиста и студента Андреева. Но более важным представляется отраженный в них некий дневник «душевных состояний», поток сложных, подчас «пограничных» психологических переживаний адресанта. Полагая (с отсылкой к авторитету Мопассана), что в письмах более точно высвечивается личность человека, что они «раскрывают душу без всяких прикрас», Андреев вместе с тем рассматривал свои эпистолярные опысы (наравне с дневниками) как некоего рода упражнение в писательстве. В данной части работы представлены в основном письма 1892 г.

Ключевые слова: Леонид Андреев, биография писателя, письма, архивные материалы, русская литература начала XX в., культура модернизма.

Информация об авторах: Наталья Петровна Генералова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: generalovanatalia@gmail.com

Михаил Васильевич Козьменко — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1229-2210> E-mail: uzium@mail.ru

Для цитирования: Письма Леонида Андреева к Зинаиде Сибилевой. Часть 2 (1892, 1902) / подгот. текста Н.П. Генераловой, коммент. М.В. Козьменко // Литературный факт. 2022. № 1 (23). С. 100–145. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-100-145>

Письма печатаются впервые, по рукописным автографам (РО ИРЛИ. Ф. 9. Оп. 2. Ед. хр. 26).

В настоящей публикации сохранены особенности авторского текста. Однако унифицировано устаревшее написание названий учреждений, издательств, печатных изданий. В тексте обычно не раскрываются часто используемые Л.Н. Андреевым и понятные из общего смысла инициалы. Расшифрованы сокращения, которые наиболее часто использовал автор: «кк» («как»), «п. ч.» («потому что»), «кот.» («который») и др. Если сокращенный текст мог быть истолкован неоднозначно, расшифровка приводится в угловых скобках. Пропущенные слова также восстановлены в угловых скобках.

46

7 января 1892. Орел

7 января.

Прости меня, дорогая моя Зинулочка, за то, что я так долго не пишу тебе. Обстоятельства слагаются все время таким образом, что у меня, против моего желания, не бывает минутки свободной. Вот только с нынешнего дня, надеюсь, наступит для меня столь желанное спокойствие, а то совсем измучился с этими проклятыми праздниками. Все время пьянство, безобразия, почти без сна и т. д. В особенности пьянство: до того расстроил я себе им нервы, что несколько ночей подряд уснуть не мог. К счастью, у меня хватило решимости вовремя бросить пить: вот уж пять и <ли> 6 дней я совсем не пью, несмотря на то, что несколько раз представлялись случаи для гениальнейшей выпивки, как напр. отъезд Ильина. Но из всех искушений я вышел с честью. Теперь намерен все время сидеть дома и читать. Только мало радости дома-то. Нужда совсем заела. Мать все плачет, клянет свою жизнь, говорит, что удавится и т. п. Да и на самом деле, на ее месте я обязательно это проделал бы. Тетя Саша на все время уехала к Окуньковым и приедет только проводить меня. Да, а дома сидеть все-таки хочу, и отчасти потому, что отношения со всеми добрыми знакомыми сильно-таки попортились. Арх<ангельский> становится мне все антипатичнее с своим нахальством и пошлостью; с Л. Дмитриевой дело с первого еще дня Рождества на разрыв пошло. Теперь почти не говорим, сухи друг с другом до чрезвычайности. Только с Ильиным курс несколько повысился. Хотя у нас и слова сказано не было о наших отношениях, но эти отношения, благодаря этому, только улучшились. Дело дошло до того, что когда Ильин уезжал, то обещался приехать к 25^{му}, приехать проводить меня. Говорил, что ему не хочется уезжать, что он только теперь понял, что старый

друг лучше новых двух и т. п. Я больше отмалчивался. Был у меня Алек. Петрович. По-прежнему относится ко мне хорошо, даже лучше прежнего. Только один недостаток: совсем обаристократился и слегка говорит о чести и мундире. Просил меня не пить и жить. Пробыл всего один вечер. В Москву хочет ехать 20, так что думаю там еще раз увидеться с ним. Однако, Зинурочка, я не на шутку привык к Петербургу: мне страшно претит Орел с его грязью, порядками и приличиями. Ехать однако в П<итер> особенно не хочется: страшит безденежье. Да, что ж ты не напишешь мне: правда наследство получится или так, брехня? Если правда, то почему ты бездействуешь и не требуешь от Зайцевых своей доли? А то ведь, чего доброго, тетка и зажилить сумеет. Ссылаться на «не хочется, да некогда» нельзя. Удобнее, я думаю, бросить уроки, чем бросить деньги, могущие дать покой тебе и твоим нервам. А нервами, только нервами объясняю я и твои ссоры с В<ерой> И<гнатьевной> и пр. Относительно кружка ты права: это не настоящие люди; это усовершенствованные идиоты. Помнишь, я раз назвал собрание кружка домом сумасшедших, а ты ругалась за это? И помнишь, что я всегда говорил о кружках этих? Что касается сплетни о тебе и Хлоб<ощине>, то происхождения ее не знаю. Наталью за все время видел только раз в кружке, но ни слова не говорил с ней, а с Над<еждой> ни разу не говорил и ничего о них не знаю. Теперь, Зинурочка, поговорю лично о нас. Ты говоришь, что я теперь остался один, а я скажу, что и всегда я был один, точно так же, как и ты у меня. Разных Ал.Ал., В.И., Любочек и прочего считать нельзя. Все это минута и ни <sic> на минуту. И никого никогда я так не любил, как тебя. Ты знаешь: влюбляться можно каждый день, а любить только раз. Так и я. Да и влюбляюсь-то редко. Больше за приятными ощущениями охочусь. Что я тебе мало радости своей любовью даю — это правда, да ведь не в радости дело. И ты, ой как мало радости даешь, да я на это не ропщу. Дело в том, что мы с тобой по-разному с ума сходим и никогда друг друга не поймем, и вечно жаловаться на это будем, и вечно одно только общее у нас останется: любовь. А хорошая это вещь: убедиться навсегда, как доктор Крупов¹, что все сумасшедшие, много легче жить на свете становится. Так хладнокровно относишься тогда и к чужой глупости и подлости, да и над собой всегда посмеяться можно. Да, а я теперь окончательно убедился в этом; убежден так же твердо, как и в том, что я Л.Н. Андреев. Знаю я только одно: что в этом сумасшедшем мире одна сумасшедшая будет всегда дорога мне — это ты. Не сердись, деточка, за слово «сумасшедшая» — по-моему, это синоним слова «человек».

Зиночка, узнай, пожалуйста, у Радина, сколько я могу оставаться в Орле, без опасения получить нахлобучку от университетского начальства? (Прости, что скверно пишу: палец один очень больно <sic!>). Относительно денег скажу, присылай как можно скорее и насколько можешь больше, иначе не знаю, что и делать. Пальто холодное заложено и т. д. Ну прощай, моя деточка. Завтра еще напишу, а то сейчас устал. Ужасно хочется видеть тебя и целовать. Заранее прошу у тебя прощения за многие мои прегрешения. Думаю, что теперь им наступил конец. Целую тебя очень много. Целую в особенности глазки. Почему ты ничего не пишешь о А.А. (ассоциация идей!)? Изменила? Ну прощай, моя милая, хорошая деточка.

Твой Лео.

---

¹ Герой романа А.И. Герцена «Кто виноват?» (1846).

47

9 января 1892. Орел

9 января.

Скверно я устроен, Зинулочка: когда я был в Питере, меня страшно тянуло в Орел — теперь с такою же силой тянет в П<итер>. Ведь ничего хорошего не ожидаю я от П<итера>: да и не имею никаких оснований ожидать, — а хочется просто улицы посмотреть, по Невскому пошляться, противный пансион увидеть... Теперь я живу в Орле решительно для одной матери; ничто, кроме нее, не заставило бы меня и день лишний проскучать в Орле. А мать уж теперь начинает мало-помалу реветь в ожидании моего отъезда; говорит, что первый раз ей легче было отпускать меня, потому что она не знала, какая жизнь ожидает меня в П<итере>. Я спорю, доказываю ей, что моя жизнь в П<итере> гораздо лучше жизни в О<рле>, что на самом деле правда, но убедить ее, конечно, не могу. С нетерпением ожидаю П<етра> Ф<едоровича>, хочется узнать, как живут там наши, т. е. ты и остальные. Ты представить не можешь, до чего здешняя моя жизнь курьезна и не похожа на петербургскую. Стал совершеннейшим ребенком; играю в дурачка, чуть не в лошадки; положительное отсутствие всяких умственных интересов, одно беспечальное прозябание. Впрочем, может это и есть настоящая жизнь, т. е. именно тот вид жизни, при котором немислимы разные психозы: немислимы проклятые вопросы и т. д. Только, к сожалению, недолго так прожить могу я; тянет к прежнему; голова привыкла работать и не может, к сожалению, отказаться от этой привычки. А пока я до того пропитан окружающей атмосферой, при которой ноги работают больше головы, что даже на-

писать это письмо для меня представляет непосильный умственный труд. Чем это объяснить, Зинуручка, что я вполне за тебя спокоен, т. е. убежден, что ты не изменила мне и любишь по-прежнему? Ведь я всегда тебя в чем-нибудь да подозреваю — а теперь нет. Опять-таки, должно быть, потому, что голова не работает и воображение отсутствует. А очень хочется мне поскорей увидиться с тобой, хотя, боюсь, ругаться много будешь. — У нас в Орле свирепствует оспа; в институте умерла какая-то Успенская; старшая Добровольская была больна, и хотя выздоровела, но сильно обезображена; во всех учебных заведениях прививают оспу, и, говорят, распустят на две недели; знакомые тоже почти все попривили; каждый разговор, вместо погоды, начинается с вопроса: «оспу привили?» Думаю на днях сам привить, а то, как-никак, а рожу все жалко. — Прочел я Карпова «В рабочей слободке»¹ — не понравилось. Сюжет слишком избит; только коверканный язык да обстановка показывают, что действие происходит среди рабочих, а не крестьян. Не знаю, чему радовался В<ейншток> и ему подобные. Ну, Зинуручка, до скорого свиданья. Напишу еще, когда получу от тебя марку, а то, ей-богу, 8 к<опеек> нету. Постарайся, дорогой мой Зиночек, поскорей ответить. Ты не сумеешь представить, как приятны мне твои письма, и как я тебе за них благодарен. Я знаю, насколько ты любишь писать, и потому каждое твое письмо, независимо от содержания, говорит мне о твоей любви. Прощай, моя милая, хорошая, капризная Зинуручка. Целую твои лапочки и глазки.

Твой Л. Андреев.

Деньги посылай на имя матери. Видишь, насколько я эмансипировался от *ложного* стыда?

¹ Имеется в виду драма Е.П. Карпова «Рабочая слободка», впервые опубликованная в журнале «Артист» (1891. № 276).

48

15 января 1892. Орел

15 января.

Да, Зиночка, я далек от твоего идеала — и еще более далек от своего. Не таким бы хотел я быть, да и не таким создала меня природа. Мог бы я быть и умным, и красивым и сильным, мог бы целой головой стоять выше других — а теперь я что? Не умен, не красив, и целой головой ниже других стою. Ко всему обнаруживаю способности — и ничего хорошего сделать не могу. И писатель я, и художник, и мыслитель — и всегда только карикатура на них,

в сущности-то. Такой я теперь, таким и в гроб сойду. Вечно желаю быть великим, и вечно остаюсь бесконечно малым. Постоянно хочу, чтоб люди преклонялись предо мною, — и вместо этого вызываю в них жалость или презрение. Хочу быть во всем и всегда первым — и остаюсь последним, потому что не может быть первым тот, который всем и всему только мешает, который и для себя и для других только обузой служит. Да — и скучно мне от этого. Другой и в моей шкуре прекрасно прожил бы свой век, а мне моя шкура мала, хотя ее хватило бы на десяток Архангельских. Желаний много, а средств нету. Может даже и есть, да не могу я ими воспользоваться, воли нет у меня. Говорят мне: не делайте того-то и того-то; это нехорошо, это вредно и т. д. — а того не знают, что и скучаю я и о самоубийстве думаю потому лишь, что слишком хорошо вижу, как не соответствует моя жизнь той, которую я хотел бы вести. Другие не знают, как нужно жить — и оттого живут скверно, а я знаю, как жить, и живу скверно оттого, что воли нет у меня... Впрочем, довольно об этом. Надоел уж, небойсь, тебе. Ты пишешь, что хоть я далек от твоего идеала, ты «все-таки» желаешь видеть меня. Спасибо и за это, если это правда. Я ведь и на это желание права не имею. У меня сейчас были перед глазами некогда написанные тобой слова: «вы отравляете мне каждую минуту» — и после них даже эта пилюля покажется верхом любви и... привычки. Очень жалею, что тебе, несмотря на твое желание, не с кем изменить мне. Комаров действительно для этой цели не подходит. Идеального в нем ничего нет, кроме самодовольства, впрочем, да на нем далеко не уедешь. Поищи, может и найдется подходящий. Очень обязан тебе за хлопоты с «плодом моего гения», сиречь, с рассказом¹. Хотя я о нем, как и обо всем, что когда-то сделал, очень скверного мнения, и в этих стараниях всунуть его в какую бы то ни было редакцию вижу для себя одно унижение — но голод не тетка, и лучше унижаться, раскрывая перед всеми свою... гениальность, чем протягивая ручку. На твой вопрос, почему у нас с Дмитриевой дела плохи, отвечу, что я не из таких, которые *навязываются* с своей любовью. У меня скорей всегда ее не достаёт. Только ты одна испытала неудобство ее излишка — я говорю про первые два месяца в Петербурге — но в этом были виноваты обстоятельства, которые, надеюсь, не повторяются.

Вообще у меня дела с Орлом плохи. Никак в тон попасть не могу. И дурачком прикидывался, и мазурку-то плясал, и на картах гадал — нет, не выходит дело. Одного не пробовал делать, умные разговоры разговаривать. Раз попробовал было заговорить с печкой, да не отвечает, ну и перестал. Несмотря на это в вольтерьянцы все-таки

угодил, или в сицилисты, по-современному. Как это мне всегда не везет. К одним не попадешь и к другим не пристанешь. Дураки считают меня за «сицилиста и — презирают». Сицилисты считают за дурака и тоже презирают. Должно быть оттого, что я не дурак и не «сицилист», а просто Л.Н. Андреев, т. е. всего понемножку. Думал я было в Орле на масленицу остаться и этим для всех любящих меня одолжение сделать — но теперь вижу, что я тогда сделал бы одолжение, если б в Америку уехал, ибо, как оказывается, на значительном расстоянии я много лучше, чем вблизи. Правда, Зинуручка? На основании всего этого я выведу числа так 28-го; наверное, впрочем, не знаю. Пока до свиданья, голубчик; хотя ты тоже далека от моего идеала, я все-таки с величайшим удовольствием сейчас расцеловал бы тебя; даже больше чем с удовольствием. Прощай. Скоро еще напишу, не ожидая даже твоего ответа, но лучше, если ответишь. Я ведь тоже одинок. Целую тебя.

Как и всегда, твой Л. Андреев.

¹ Речь идет о первой публикации Андреева — рассказе «В холоде и золоте», появившемся в журнале «Звезда» (1892. 19 апр. № 16. С. 418–422). См.: [2, с. 708–709].

49

20 января 1892. Орел

20 января.

Сейчас был у меня П<етр> Ф<едорович> и отдал деньги. Величайшее спасибо тебе за них, Зинуручка. Одного жаль: недостает при деньгах письма, а я его ожидал, даже уверен был в нем. А то, чего не ожидал, получил: меня крайне неприятно поразил вопрос П.Ф. «почему порваны мои отношения с Дмитриевой?» Зиночка, зачем ты говоришь то, что я пишу тебе одной, и подаешь повод к сплетням? Ведь ты скажешь так, без всякого умысла. Просто потому, что у тебя язык не всегда головы слушается — а досужие кумушки из твоих слов слона сделают. В Орле никто, даже мать, не знает, в каких я отношениях с Дмит<риевой>, а тут является из Питера П<етр> Ф<едорович> и задает такой вопрос...

Сию минуту получил твое письмо. Очень хотел бы ответить на него, но решительно не в состоянии: у меня четвертый день страшно болит голова, так что я едва соображать могу. Отвечу в подробностях завтра, а сейчас скажу только одно: я тебя люблю, дорожу, больше чем ты думаешь, твоей любовью, понимаю тебя и твое состояние; очень желал бы для тебя стать другим человеком; поведения своего от тебя не скрываю; ты читала мое письмо, в котором я говорю, что

сильно пил и безобразничал — а в чем эти безобразия заключаются, расскажу по приезде. Отношения мои с Дмит<риевой> хороши, и по обыкновению, с ее стороны лучше, чем с моей. Почему они было порвались, расскажу по приезде. Как ты справедливо заметила, я одинок совершенно, даже более чем ты: ты ведь окружена людьми с одинаковыми с тобой стремлениями...¹ etc., а у меня, как ты знаешь, из таких людей есть один Арбузов, но он далеко. Глупить я давно перестал, но действительно, такое письмо, как твое, может заставить делать глупости, вместо того, чтоб удержать от них. Касательно иронического тона письма и пр. поговорю завтра. Теперь одна просьба: завтра едет в Пет<ербург> Наталья; будь так добра, не говори ей ничего про письма Васильевой, и если Н. спросит, писала ли мне Вас., скажи, что не знаешь. Попроси о том же Варвару. Точно так не говори ничего о Дмит<риевой> и о том, что она присылала мне деньги. Тому, что будет говорить обо мне Н., можешь верить или не верить — дело твое. Не забывай, что за птица Наталья. Я выеду из Орла, вероятно, 28-го и на день заеду в Москву, к Арбузову, но, может быть, останусь в Орле и дольше — единственно ради матери. Во всяком случае, до скорого свидания, моя хорошая Зинулочка. Верь мне, что я люблю тебя, и не суди по тону письма. Старайся читать между строчками. До свидания, крепко целую тебя и желаю тебе здоровья.

Твой Л. Андреев.

Завтра еще напишу.

---

¹ Дефект текста: слово или два вырваны из листа.

50

23 января 1892. Орел

23 января.

Не написал тебе, Зинулочка, по обещанию благодаря тому, что и вчера и позавчера страшнейшим образом болела голова. До того измучила меня, проклятая, что я уж к доктору нынче идти хотел, да кажется, полегчало нынче немного, хотя есть надежда, что вечером опять разболится. Совсем ошалел я от боли, все время как пьяный ходил. Ну-с, Зинулочка, что я тебе писать-то хотел? Кажется, о том, почему мое письмо иронией преисполнено было? Ответ немногословен. Просто потому, что не желая плакать, я решил смеяться. От слез, известно, голова болит, а смех действует возвышающим душу образом. Вот я и смеялся и над собой, и над твоей любовью. Почему я над собой смеялся — об этом толковать нечего, придется

повторяться, а почему такого отношения удостоилась твоя любовь, об этом сейчас поговорим. Как ты думаешь, что я должен делать, узнавши, что я «далек от твоего идеала»? Без сомнения, восплакать и посыпать голову пеплом. Я так бы и сделал, если б, к сожалению, за последнее время не разучился плакать и не осознал, что это занятие не приличествует моим летам. А так как, по существу дела, равнодушным остаться нельзя было, то я и стал смеяться. Ты этим обижаешься и говоришь: «неужели я недостойна серьезного к себе отношения!» Без сомнения достойна, об этом и речи-то быть не может — а я ведь и всегда серьезно к тебе относился. Поверь, что я понимаю твои стремления, сочувствую им, хотя разделять их, по известным причинам, не могу. Видя в тебе желание учиться, работать, я горжусь тобой, уважаю тебя за это — а если иногда у меня и срывается шутка или насмешка над твоими занятиями, то это объясняется или тем, что выбранное тобой средство не соответствует цели, или же просто тем, что для меня минутами мир представляется одним сплошным фарсом. Затем, ты, кажется, обижаешься за мои слова, будто твоя голова не работает. Если я и говорил тебе это, то вовсе не с целью оскорбить или унижить тебя. Эти слова нужно понимать в том смысле, что твоя голова работает не с такой силою, *как могла бы*, и вызваны единственно желанием твоей пользы. Я даже забываю здесь о себе, о том, что «почем знать, любила б я тебя, если б моя голова работала, как следует?» (Сказано это, Зинуручка, хорошо, только не совсем верно). И если я говорю, что ты не понимаешь меня, так это не значит, что твой ум недостаточен для этого. Во все нет. Видишь ли, мысль и чувство бесконечно разнообразны, и твоя головка в этом разнообразии трудится над одним, моя же над другим. И поэтому мы не понимаем друг друга. И переделать это не в нашей власти. Все-таки я люблю твою головку, очень люблю. И знаешь, моя любовь сильнее и долговечнее твоей именно потому, что я люблю тебя такой, как ты есть, не ожидая, что ты когда-нибудь станешь иной. Ты же и любишь-то меня только, кажется, в надежде, что я другим сделаюсь, изменю свое поведение и т. д. И когда эта надежда не оправдается, ты будешь считать себя вправе разлюбить меня. Так-то, голубочка ты моя. Теперь, деточка, о делах поговорим. Выезжаю из Орла 28-го, буду в Питере 31-го в 3 ч. дня. Только как быть относительно квартиры? Страшно это меня смущает. Ведь и остановиться-то негде будет. Если будешь искать, то постарайся найти вблизи трех необходимых вещей: тебя, Университета и фон-Дервиза. Хочется мне ехать в П<итер>, а как подумаю о разных разностях, вроде платы за право ученья, так во-

лосы дыбом становятся. Прощай, моя деточка ненаглядная, люблю тебя, целую крепко, крепко, видеть хочу тебя страшно. Не забывай, пиши. Я еще раз напишу, скажу, когда встретить. Прощай.

Твой Л. Андреев.

51

4 (?) февраля 1892. Петербург¹

Вдумайся в мое письмо.

Ты поступила подло. Когда ты сказала, что пойдешь к А.А., я ответил, что я напыюсь, т. к. <?> у меня тоска. Когда ты, «избирая из двух зол меньшее», хотела не идти, я уступил, решил протосковать два часа, но не пить водки. Ты сказала, что пойдешь к нему в 10 и <в> 1/2 двенадцатого будешь уже со мной. Сейчас третий час. И я знаю, что ты не зайдешь совсем. Сколько ты была со мной? Зинурочка, какая ты скверная, скверная. Ты скажешь, я пошла в 11. А я виноват? Ты скажешь, что предлагала мне еще в 9 ч. идти к себе. Зачем? сидеть с тобой и Реймер²? — это я мог сделать с 5 часов.

Когда вчера я, самый близкий тебе человек, находясь в ужаснейшем состоянии, сказал, что мне тяжело, ты стала упрекать меня за то, что я отнимаю у тебя необходимое для сна время. А сейчас ты его у себя не отнимаешь, не отнимаешь целых часов, тогда как мне ты жалела отдать минуту? И для кого? Для А.А., который день тому назад оскорбил тебя, из<-за> которого ты плакала все утро, и я же утешал тебя. Ты скажешь, что он уезжает, поэтому ты не могла не пойти к нему, не обидевши его. А меня вчера ты не обидела? а сегодня? Вчера ведь для меня тоже особенный день был. Кто ж для тебя этот А.А., которого ты ублажаешь в ущерб себе, ублажаешь, когда это почти ему не нужно, ублажаешь, оскорбляя и мучая меня? Отец он твой? любовник? благодетель?

И кто ж для тебя я? Собака, которой ты бросаешь кость в виде этих обедов, и затем считаешь себя освобожденной от всего, и даже несчастной жертвой. Собака, которую ты то по шерсти погладишь, то пинка ей дашь, смотря по тому, как на тебя найдет. Собака, которая приятна для тебя постольку, поскольку она смиренно лежит в углу и не лает.

Имела ты право идти туда, куда меня не принимают, когда должны принять? Имела — потому что я собака, которую оставляют за дверью, когда идут в гости, где не любят собак. Вдумайся во все это. Хоть на миг отнесись ко мне, как к человеку. Как ты подло, подло поступила и поступаешь. И скажи, как мне поступать с тобой? Потому что не собака я, а человек, которому нужно человеческое отношение.

И ты сейчас довольна. Собака заперта, денег у нее нет, куда не уйдет. Не беда, если в дверь поцарапает да повизжит. На то и собака. А завтра кусочек сахарцу — и опять на задних лапах служить будет и сама себя запрет снова, если тебе в гости понадобится идти. Смотри только, как бы не сбесилась. Подлый ты человек.

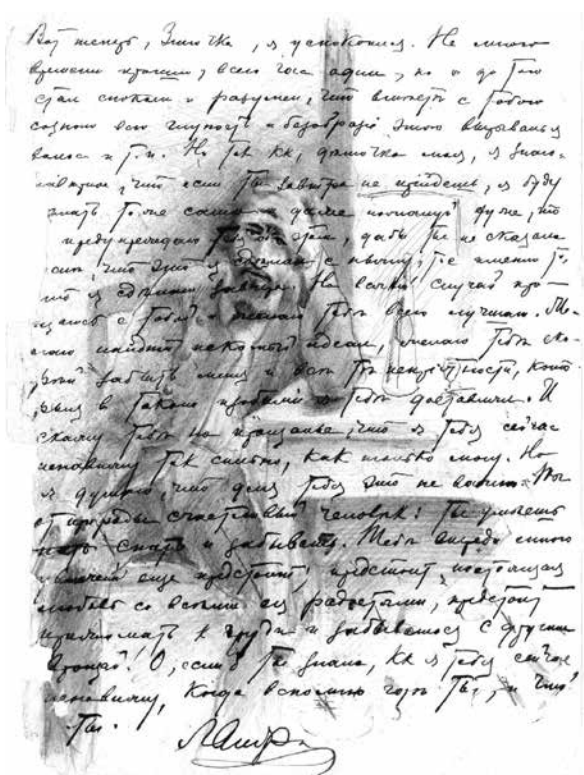
Л. Андреев.

¹ Это письмо представляет собой вырванную страницу из дневника, без даты. Судя по контексту, письмо написано 4 февраля, когда Андреев вновь приехал в Петербург [1, с. 131].

² Эмма Васильевна Реймер — курсистка, подруга Сибилевой. В середине апреля 1892 г. Андреев пережил по отношению к ней кратковременную влюбленность. Как он сам утверждал: «Зин<анда> давно уже стала сходиться с ней, и давно стала твердить мне о том, какая красавица эта Реймер и как хорошо было бы для рассеяния моей скуки познакомиться с ней» [3, с. 260].

51 а

5 февраля 1892. Петербург

Л. Андреев. Письмо от 5 февраля 1892 г. РО ИРЛИ РАН¹

L. Andreev. Letter dated February 5, 1892 from Manuscript Department of Institute of Russian Literature

Вот теперь, Зиночка, я успокоился. Не много времени прошло, всего час один, но я до того стал спокоен и разумен, что вместе с тобою сознаю всю глупость и безобразие этого вырыванья волос и т. п. Но так как, деточка моя, я знаю наверное, что если ты завтра *не придешь*, я буду делать то же самое и даже, пожалуй, хуже, то я предупреждаю тебя об этом, дабы ты не сказала после, что я это сделал спьяну, т. е. именно то, что я сделаю завтра. На всякий случай прощаюсь с тобой и желаю тебе всего лучшего. Желаю найти искомый идеал, желаю тебе скорее забыть меня и все те неприятности, которые в таком изобилии я тебе доставлял. И скажу тебе на прощанье, что я тебя сейчас ненавижу так сильно, как только могу. Но я думаю, что для тебя это не важно. Ты от природы счастливый человек: ты умеешь спать и забывать. Тебе впереди много увлечений еще предстоит, предстоит настоящая любовь со всеми ее радостями, предстоит прижимать к груди и забываться с другим. Прощай! О, если б ты знала, как я тебя сейчас ненавижу, когда вспомню, где ты и что ты.

Л. Андреев.

---

¹ Лист из дневника. Символический «автопортрет», поверх которого вписано обращение (квази-письмо) к З.Н. Сибилевой. 5 февраля 1892 г. Петербург [1, с. 135].

52

Май 1892 <?>. Поезд Петербург — Москва ¹

Дорогая моя Зинулочка, как я люблю тебя. Мысль о тебе, моей ненаглядной, ни на минуту не оставляет меня. Сейчас 2 часа ночи, но я не могу спать, хотя место есть. Жалею ужасно, что вчера так мало был с тобой, мало простился.

Сейчас пред моими глазами стоит твое личико, задумчивое, грустное, такое, каким оно было вчера и нынче на вокзале. Как ты дорога мне, голубка ты моя, и как мне сейчас грустно без тебя. Бог знает <что> отдал бы я за то, чтоб покрепче обнять и поцеловать тебя. Я знаю, что я обидел тебя, — чем, напишу после — и от этого мне очень тяжело и больно. Да, ты для меня дороже матери и семьи: когда я уезжал из Орла, мысль моя была ведь о том, что меня ожидает, тогда как теперь, уезжая от тебя — и на более короткий срок — я думаю не о том, что меня ждет, а о том, что я оставил в Петербурге, т. е. о тебе. А Никольский еще спрашивал, почему мне тяжело уезжать из Петербурга и почему я не радуюсь, что скоро буду дома! Он не понимал того, что теперь для меня дом там, где ты. Никогда больше я не уеду без тебя. А ты рада, что отделилась от меня? Ведь нет, хорошая моя деточка?

Расскажу тебе про дорогу. Мне было страшно скверно одному — читать я не мог, и я задумал познакомиться с тремя солдатами, сидевшими напротив, что и привел в исполнение при помощи предложенных папирос и кружки чаю. Познакомился я собственно с одним, оказавшимся очень разговорчивым. Все время рассказывал мне про солдатскую жизнь в Финляндии, сообщил несколько анекдотов про начальство и вообще оказался очень веселым собеседником. Притом он ходит мне за водой и полощет чайник. Вообще все соседи мои, которые, так же как и я, едут до М<осквы>, народ очень покладистый, и хотя в вагоне очень тесно, один из них уступил мне место, когда я хотел бы лечь спать. — Очень трудно писать: сильно трясет и кроме того карандаш такой маленький, что я едва держу его своей кочерыжкой.

---

¹ Письмо написано на листках из записной книжки карандашом, неровным почерком, в поезде. В верхней части первой страницы письма — помета фиолетовым карандашом рукой не установленного лица: *1891 или 1892 г. (?), май (июль?)*.

53

23 мая 1892. Динабург

23 мая.

Вот, Зинулочка, неприятное положение. Сижу в Динабурге уже 6 часов и еще два осталось¹. Город отвратительный, одни жида. Нынче вдобавок шабаш, так что шагу сделать нельзя, чтоб не наткнуться на пейсы. Скука смертная. И еще удовольствие — приехать домой в час ночи.

Я тебя, Зинулочка, очень люблю. Как только отъехал я из Петербурга, сейчас же, по обыкновению, стал чувствовать себя виноватым перед тобой. Во всем виноват. Виноват, что вчера на Невском пилил тебя, виноват, что денег у тебя так много взял, виноват вообще в недостатке благодарности за все то, что ты для меня делала. Нельзя сказать пока, чтоб бог меня за это наказывал: дорога до Динабурга прошла очень хорошо. Все соседи-пассажиры оказались такими прекрасными, предупредительными людьми, каких я первый раз встречаю. Добыл у них чайник, пил раз чай — теперь же буду утолять жажду апельсинами, которых я еще не трогал и за которые величайшее тебе спасибо. Благодаря им я обеспечен насчет жажды, — зато мало гарантирован от голодной смерти. Я был настолько голоден и непредусмотрителен, что поел всю колбасу, а здесь ее достать нельзя, зане все лавки закрыты по случаю проклятого шабаша.

А как здесь, Зинулочка, хорошо. Тепло страшно. Дорогой были слышны соловьи. Сейчас я ходил на берег Двины и просидел там два часа. Замечательно славно. Весь берег окаймлен липовой аллеей, запах чудный — и никого нет, главное. А то я утром отправился в здешний сад и с таким удовольствием рассчитывал посидеть в нем, но меня оттуда выгнали барышни — жидовского происхождения преимущественно. Устроили на меня что-то вроде облавы: куда я ни пойду, сейчас же являются вслед за мной и начинают предо мной гарцевать. Главное, будь хорошенькие — а то рожа на роже.

Ну, Зинулочка, целую тебя 1 000 000 раз, и чрезвычайно сожалею, что не могу на самом деле хоть раз поцеловать. Как ты спала сегодня? (Наверно, хорошо). Выиграла у Реймер и у меня пари? И как ты себя вообще чувствуешь? Пиши, деточка, вспоминай обо мне, пей, ешь, спи и веселись, но не изменяй своему до сих пор верному

Лео.

Поклонись Реймер и А.А.

¹ Динабург — ныне: Даугавпилс. Вероятно, Андреев по каким-то причинам (наличие бесплатных билетов через это направление и т. п.) поехал из Петербурга в Москву (а потом в Орел) не напрямую, а окольным путем.

54

27 мая 1892. Орел

27 мая.

Приехал я в Орел, Зинулочка, и конечно не нашел того, чего ожидал. Только одна погода, да природа хороши, а то все дурно. Сам не знаю, что со мной делается. Был я позавчера в Саду — и возвращаясь домой так тосковал, что просто ужас. Не стану описывать тебе этого состояния — не к чему. Скажу только, что не из отвращения к жизни оно проистекало, а наоборот, из страстной любви к ней. Таким образом, хотя чувствую себя значительно спокойней, чем в Орле, <sic!> но до полного душевного спокойствия, о котором я мечтал, еще далеко. И с тобой ссориться еще не перестал. Сегодня во сне так ты меня обидела, что я снова будто дошел до безобразий. Проснулся с самым тяжелым чувством.

Не знаю, сам ли я изменился или орловцы изменились, но будто не такими стали. Я уже успел подивиться, как это мог я, хоть на миг, увлечься Женичкой. У Дмитриевых еще не был, но там по слухам перемен еще больше. Любочка увлекается Кулабуховым, и дело, говорят, пахнет свадьбой. Сколько раз оно ей пахло! Насколько Дмитриева не та, видно из того обстоятельства, что проходя зачем-то

по Пушкирной мимо нас и узнавши от детей, что я приехал, она даже не зашла. Впрочем, я давно уже — хотя ты и не веришь этому, послал ее к черту, и теперь связан одним только чувством благодарности. Изменилась и Васильева и весьма, кажется, значительно эмансипировалась под влиянием Натальи.

Дома дела настолько швах, что я, несмотря на свое нежелание, ходил уже к инспектору и просил урока. Теперь в глубине души молю, чтобы он не дал его. Мать и дети довольны подарками. Мать только жалеет, что не может ничего подарить тебе. Голубочка моя, как я люблю тебя за то, что ты сделала на вокзале. У меня до сих пор из головы это не выходит, и я готов ручки твои, ножки целовать за это. Деточка моя, не забывай так скоро меня, напиши хоть что-нибудь о себе. Ведь я тут тоже совсем один, словом по душе перекинуться не с кем. Очень хочется говорить с тобой, но такая жара и такая лень, что перо из рук валится. Запомни из письма одно: люблю тебя, люблю, хотя это и дурно, потому что ты собираешься изменить мне.

М.И. покрасовел и посерьезнел, как говорят. Боюсь, что одно только это из всего письма ты и запомнишь. Ну да Бог с тобой. До свиданья, моя деточка. Целую тебя ужасно крепко.

Твой Л. Андреев.

Поклон всем.

55

18 июля 1892. Орел

18 июля.

Утром приехал в Орел, сейчас получил твое письмо. Спасибо, дорогая моя Зинуручка, за то, что так хорошо исполняешь свои обещания. Хотел было описать я тебе свою дорогу, но сейчас устал и не владею пером. Напишу лучше тебе о том, как мне тяжело без тебя и какая я свинья. По обыкновению, как только выехал из Петербурга, как только вырвался из подлой атмосферы всяких мелочей и душевных безобразий, сразу стало ужасно совестно и жалко. И чем больше верст отделяло меня от моей хорошей Зинурки, тем сильнее становилось это настроение. И теперь, когда нас разделяет 1000 верст, теперь только понимаю, как любишь ты меня и как много, много виноват я перед тобой. Деточка ты моя милая, как вспомню я твое личико, твои глазки заплаканные — так каждая твоя слезинка, как булавкой укалывает мою глупую совесть. Чтоб ей, этой совести, раньше-то проснуться, — от скольких мучений избавились бы мы! Постараюсь хоть теперь переделать себя. Делай, Зинуручка, что хочешь, будь с кем хочешь знакома, только пиши мне, пиши обо всем. Буду думать,

что ты меня любишь, и с нетерпением ждешь той минуты, когда снова свижусь с тобой.

Меня очень удивило твое известие о холере, хотя там, где много рабочих, это дело вполне возможное. Уж такой несчастный народ эти рабочие: жить последними и умирать первыми. Только во всяком случае, это большого значения не имеет. Если б не надеялись удержать холеры, не стали б держать в секрете. Иначе это было бы просто убийством, а ведь те, кто держит в секрете, пользу хотят принести обществу, а не вред. Жаль только, что эта польза от сохранения болезни втайне, уничтожается слишком, не по разуму, предупредительными людьми. — У нас в Орле пока спокойно. Недавно наделала переполоху какая-то женщина, приехавшая из Саратова и умершая по-видимому от холеры, но теперь опять все спокойно. Мать сильно боится и все заботится, чтоб больше «кислоты» в желудке было, для чего вчера съела целый лимон. До свиданья, деточка, целую тебя много-много. Знаешь, когда пароход отходил от пристани, я сам плакал и не сводил с тебя глаз, пока от самой пристани осталось одно пятно. Прощай.

Твой Л. Андреев.

Сообщи твой адрес (NB).

Пришли, пожалуйста, карточку, как только будет готова. Напиши, какие будут поручения, а то я все позабыл. Завтра напишу и завтра же вышлю книгу. Целую тебя и твои лапки, если их никто не целовал.

56

20 июля 1892. Орел

20 июля.

Сейчас получил твое второе письмо. Еще раз спасибо, Зинуручка. — Опишу тебе свою дорогу. Прежде всего: за весь этот год не было у меня такого счастливого времени, как эти дни, проведенные на море¹. Обстоятельства благоприятствовали удивительно. Погода все время стояла чудная: тепло и солнце ни разу не пряталось. На второй день поднялся очень сильный ветер, устроивший нечто вроде бури, но это было только довершением всех моих желаний. Но расскажу по порядку. Едва только вышли мы <в> залив, у меня завязалось знакомство с двумя субъектами. Один, довольно молодой, с рыженькой бородкой — ты его приняла за немца — оказавшийся англичанином, по фамилии Тикстон, другой — обрусевший немец — Эбергард. Оба люди очень душевные; в особенности Тикстон. Все мы очень приятно изумились, узнав, что цель поездки у всех одна: посмотреть море.

Эб. и Т. ездили по всей Европе, но на море еще не бывали. С Т. скоро я совершенно сошелся. Он знает В.И., Коссову, Ткачевского, бывал когда-то в Орле. Отец его одно время был управляющим мальцевских заводов². Весь первый день мы просидели на палубе и восторжались морем. Следили за тем, как меняется его вид: вода из мутно-желтоватой становится ярко-зеленой, а небольшие короткие волны заменяются длинными, с белыми, как снег, каймами. Красиво замечательно. Но особенно чудное впечатление произвел на нас вид острова Хохланда. Солнце в виде багрового шара опускающееся в волны, ярко-зеленое; изумрудное море и голубовато-фиолетовый остров, высокий и лесистый — как будто прямо с какой-нибудь картины Айвазовского. За Хохландом началась качка. Эбергард заболел морской болезнью, мы же с Тикстоном, напившись чаю, гуляли до 12 часов по палубе и толковали и женщинах и любви. Он рассказал мне про свою любовь к одной даме — оказалось, что в любви мы очень схожи характерами: оба самоучители. Потом отправились спать. Я разделся, зажег свечку, взял книгу — и благополучно заснул, с мыслями о тебе, под мерное раскачивание парохода. (В каюте помещался я один). На другой день мы были в Ревеле. Мы трое шатались часа 2–3 по городу, любовались его средневековым видом, взобрались на тысячелетнюю башню, которая стоит на самом высоком месте и откуда открывается роскошный вид на Ревель, гавань и море. Когда пароход вышел из Ревеля, я ушел спать. Пробуждение было самое приятное. Ложась, я закрыл окошечко в каюте, позабыл завинтить его наглухо. Во время сна поднялся страшный ветер, и одна глупая волна с размаху влетела в каюту. Можешь представить мое изумление, когда я почувствовал холод, и открывши глаза, узрел на койке воду, вокруг воду, одним словом, «много воды». Я положительно не понимал спросонья, что это значит, пока вторая волна не привела меня окончательно в чувство. Хороши ж были после этого мои вещи и я сам! Сахар — соленый, лимон — кисло-соленый, и я сам что-то вроде малосоленного огурца, с которого капает рассол. Книга, которую ты на днях получишь, обратилась в какую-то гущу, все, что было в корзинке — тоже. К счастью, я убрал твои карточки туда, где их не могла достать вода. Вышел на палубу — настоящее светопредставление. Пароход бросает во все стороны, как щепку, все пассажиры рвутся, как и где попало. Эбергард совершенно больной, желтый, как казенное здание, заявляет, что он сию минуту умрет. Тикстон еще держится, но видно ненадолго. Звонок к обеду. Никто не хочет идти, так как внизу действительно невыносимо: положительно теряешь голову: то тебя бросит вверх, то стремглав летишь куда-то в бездну, то тебя тянет под стол — одним словом,

какая-то пляска св. Витта. Однако за стол уселись-таки 11 человек, я в том числе. К второму блюду оставалось 5, остальные разошлись, кто куда, рваться, а третье ели только двое: я и еще один, не раз уже бывавший в море. Нужно впрочем сознаться, что и я третьего блюда не доел, а поспешил удрать на палубу, а то можно было заболеть от одних звуков, которые неслись из всех кают и которым так хорошо подражал Архангельский. Удивительная вещь, отчего я не заболел? Тикстон в тысячу раз здоровее меня, да и то рвался напропалую. Весь этот день я просидел на палубе. Видел те самые не волны уже, а валы, которые рисует Айвазовский, окачивался ежеминутно брызгами, так как эти валы хватали до самой палубы — учился ходить по исчезающей из-под ног поверхности, бегал с заме<ча>тельной быстротой, но против своего желания, то поперек, то вдоль парохода, смотря по тому, куда его наклоняло, пел «это сногшибательно!» — одним словом, чувствовал себя на седьмом небе. Действительно, Зиночка, чудная вещь это море! Никогда я его не забуду. Можно описать и волны, и качку — но нельзя описать того чувства, чувства *силы*, желания борьбы, которое охватывает тебя, когда ты видишь вокруг себя бесчисленные легионы пенящихся волн, медленно и грозно идущих на корабль, и этот корабль, то исчезающий в волнах, то гордо и высоко... задирающий свой нос. — Но пока довольно. В следующем письме окончу.

В Орле насчет холеры спокойно. Все надлежащие меры приняты и зависящие распоряжения сделаны. Вчера вечером была у меня Варвара, и вчера же и уехала. Она в Орле была с понедельника. У В.И. она останется до 20 августа. Я себя чувствую довольно хорошо, хотя и хуже, чем в Петербурге. Слабость какая-то. Приступили к лечению, но не вполне. Думаю с этой же недели заняться делом, т. е. писаньем. Одного жаль — нет тебя со мной, Зинурочка — или я совсем не приеду в П., или же приеду возродившимся. Ей-богу! А пока прощай. Целую твои лапочки, твои глазки, которым совсем не нужно плакать, твою миленькую рожицу, которую я так люблю, в которой для меня — полмира.

Прощай. Твой Лео.

Мать и тетка кланяются.

---

¹ Подробности этого (первого в жизни Андреева) морского путешествия останутся достаточно загадочными. Не совсем ясен даже основной маршрут: из контекста письма можно предположить, что судно вышло из Петербурга, прошло мимо острова Гогланд (Хохланд) и сделало первую остановку в Ревеле (Таллинне). Далее оно могло либо вернуться в Петербург, либо двигаться далее на запад, например, в Ригу. В дневнике — пропуск между 6 июня и 29 июля 1892 г. [3].

² Имеется в виду группа предприятий, принадлежащих промышленнику Сергею Ивановичу Мальцеву, которые занимались машиностроительным, стекольным, рудоплавильным и иными производствами и частично располагались в Орловской губернии.

57

23 июля 1892. Орел

23 июля.

Получил вчера твое загадочное письмо, весьма меня заинтересовавшее. С нетерпением ожидаю от тебя объяснений по поводу того, почему плакала Надежда, о чем должна она разговаривать с А.А. и что вообще означает эта катавасия.

Я эти дни провел чрезвычайно хорошо. Физически чувствовал себя настолько здоровым, что всю свою болезнь стал считать ничем иным, как выдумкой врачей или же результатом своей мнительности. В душе моей царил такой мир, такое божественное спокойствие, что я возмнил себя окончательно и безоговорочно излечившимся от всех своих психозов, включая в их число и излишек любви к Вам, дорогая Зинаида Николаевна. Но радость моя по этому поводу оказалась слишком преждевременной. Вчера в 11 ч. вечера, на боковой аллее город<ского> сада на мою душу без всякой видимой причины спустился мрак. Явилась неведомо откуда бессонница — не спал ночь и днем нынче заснуть не мог. Если и засыпал на минуту, так видел всякую чертовщину, как, например, тебя в объятиях А.А. Явилась во мне неизвестно почему какая-то пустота: все как будто осталось таким же, а недостает мне чего-то — да и только. И что убийственнее всего — я опять стал предаваться известным плодотворным размышлениям на свою обычную тему — почему чхнула Зинаида. Только ты, Зинулочка, не бойся этого. Прежде всего, в видах здоровья, я решил теперь всячески противиться всем нелепостям, которые лезут мне в голову. Затем — если даже сопротивление окажется недостаточным, и *mania Sinaidina* вполне овладеет мной — то на это есть и лекарство — 1000 верст и несколько месяцев, отделяющих нас. Поболее месяц, а там как рукой снимет.

Теперь расскажу о моих неприятностях более реального свойства. 1). Вследствие большого пропуска с следующей недели на урок придется ходить каждый день, что, при существующей жаре и пыли, по своей приятности равно любой из казней египетских. 2). Не везет мне с твоими сестрами. Скоро придется поссориться с Натальей, которая вздумала навязывать мне ту должность, которую обыкновенно исполняла Попова, т. е. гулять с ней, пока она не поймает Антонова или что-нибудь в этом роде. Я уже раз заметил ей, что не гожусь

для подобных ролей, но она не внемлет. (Не говори об этом Н<адежде>, так как она, передавая Наталье все, даже тон моего голоса, когда я требую от тебя «чаю и конфект», не замедлит передать и это). 3). Разумовский¹... но о Разумовском и обо всем остальном напишу завтра. Сейчас темно и спешу в сад. Целую крепко-крепко.

Твой Лео.

Пришли, пожалуйста, карточку и брошюру. Если самой лень, попроси будущего зятя.

Напиши свой адрес.

---

¹ Леонид Петрович Разумовский — орловский знакомый Андреева, который, очевидно, учился с ним в Петербургском университете.

58

25 июля 1892. Орел

25 июля 92.

Написал я вчера тебе, Зинурочка, письмо очень большое, но такое желчное и сердитое, что решил лучше не посылать его, чтобы не омрачить твоего настроения в этот единственный в году день. Лучше напишу я тебе письмо маленькое, но такое, какого заслуживает моя дорогая лапочка.

Поздравляю тебя, Зинурочка. Хороший это день — день рождения. Невольно как-то является у каждого мало-мальски сознающего себя человека желание проверить себя, подвести итог всему прожитому, перечувствованному. Невольно лезут в голову настойчивые вопросы: вот уж мне и 20 лет. Что я сделал хорошего за эти года? Развил ли я в себе мысль, чувство — или дал заглохнуть и тому хорошему, что дала природа? Был ли я, в своих поступках человеком, или только исправно функционирующим организмом? Хороший это день — о многом заставляет он подумать... И счастлив, кто может утвердительно ответить на эти вопросы, и немного на свете этих счастливых.

Скоро и у меня наступит этот день. Побаиваюсь я его таки. Хорошо еще, что пока можно говорить: не беда, что ничего не сделано: жизнь впереди. Да — а скоро она и сзади останется. Вот чем-то тогда утешать себя станем? Ну да оставим будущее в стороне.

Твое последнее письмо произвело на меня чрезвычайно сильное, сногсшибательное впечатление — трагикомического свойства. Неужели все это серьезно? Неужели Н<адежда> серьезно влюбилась в А.А., а сей последний не менее серьезно в тебя? И неужели А.А. так-таки без улыбки заявил Н<адежде>, что

Я другому отдана
И буду век ему верна?¹

а она, со слезами огорчения, стала пить уксус и сырую воду и подвергать себя продуванию у открытого окошка? Чудны дела твои, господи! Недостает, чтоб Хлоб<ощин> безнадежно влюбился в Надежду. И А.А., значит, вовсе не ревновал меня, а только огорчался, видя, как скверно обращаюсь я с тобой? Как и все идеалисты, он нетерпим — и не может понять, что у всякого — свой идеал. Бедненький! Ну достаточно об этой ерунде. Я недоволен тобой по двум причинам: зачем ты не постарайся переменить квартиру и зачем ты продолжаешь вести эту безобразную жизнь. В остальном я тобой доволен и люблю крепко.

Холера: в Орле еще нет. По отзыву врачей, она явится только весной будущего года. Меры к предупреждению ее принимаются довольно энергичные — для Орла, конечно. В Ливнах и вообще Орловской губернии случаи уже бывали. Посылаю тебе маленькую вырезку из «Ор<ловского> в<естника>». Пока до свидания, Зинурочка. Целую до бесконечности. Не скучай, не бойся, не изменяй, не забывай меня и пиши. Ты удивляешься, почему я редко пишу? Это письмо — уже четвертое, и каждое — гораздо больше твоего. Завтра еще напишу. Скажи А.А., что я его хвалю за вкус и чрезвычайно доволен, что ему нравится моя Зинурка.

Твой Л. Андреев.

Мать поздравляет. М.И. поехал в Рославль на холеру.

---

¹ Строки (слова Татьяны Лариной) из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина (глава 8, ст. XLVII).

59

26 июля 1892. Орел

26 июля.

Сегодня воскресенье, т. е. день, в который по договору я должен получать от тебя большое письмо. Очень неприятно, что первое же воскресенье я лишен этого удовольствия. Наверно, тебе помешали писать — только это очень тяжело: видеть, что твое настроение находится в зависимости от того, вздумается ли прийти к З.Н. г-ну Хлобощину и т. д., или нет.

Я чувствую себя очень скверно. Опять нездоровье, опять хандра. Снова полная апатия, полная неспособность к действию. Благодаря последнему является страх перед грядущей холерой. Из всего, что

я читал о ней, вижу, что нужно сильно бороться с ней, чтоб остаться здоровым. А я не могу бороться. Для того, чтоб ввести чистоту, принять дезинфекционные меры — нужно говорить, думать, делать. А я не могу этого. Я не могу даже сказать: сходи купи карболовки¹. Это смешно, а для меня ужасно. Ты — да и ни один здоровый человек, не поймет этого состояния летаргии — но оно ужасно, ужасно.

Я начал говорить тебе о Разумовском. Дело вот в чем. Ему нравится С<офья> Васильева, а ей — я. Он напивается пьян, безобразничает в саду и старается вызвать меня на ссору. Боюсь, что не всегда сумею сдержаться. Ты спрашивала меня, бываю ли я с барышнями? Да, каждый вечер гуляю в саду с Васильевыми. Но ты можешь быть спокойна. Софья слишком любит меня, чтоб я мог в нее влюбиться, а Зинаида² — та слишком уж строит из себя неприступность, так что пропадает охота к ней приступить. Варвара, как я уже тебе писал, уехала в прошлую субботу к В.И., приедет сюда 20го августа.

Зиночка, почему ты так долго не посылаешь карточки? Мне очень хочется посмотреть ее. Ответь на некоторые вопросы. А.А. о своих чувствах говорил Надежде, или лично тебе? Каковы твои отношения с ним? Продолжаешь ли ты посещать сады — и опиши подробно, как ты проводишь день, весь день. Я лечусь довольно хорошо. Каждый день промываю желудок, принимаю души, глотаю пилюли. Курить не бросал, и не брошу. Вчера прочел в одной брошюрке (Булатова), что катар во время холеры опасен. Все это ерунда, все мне надоело — и жить больше всего, именно жить так, как я принужден. Прощай, Зиночка. Целую тебя. Пиши мне по обещанию, не мучай.

Твой Л.А.

Арбузов писал мне. В Петербург переводиться не хочет, почему — и «сам не знает».

У нас сегодня крестный ход по городу. Как это противно.

Сахаров, Семенов и Максимал <?> — санитары.

¹ Карболовая кислота — фенол, антисептик.

² С Зинаидой Ивановной Васильевой (сестрой Софьи) у Андреева будет роман в Орле в августе — декабре 1892 г. (см.: [3] и Дн5).

Как ты и ожидала, получил твое письмо нынче, перед самым уходом на урок. Распечатал — ну, думаю, утешусь, в том, что вчера первое же воскресенье без письма обошелся — не тут-то было.

С первых же слов поражает меня твое легкомысленное отношение к таким серьезным вещам, как то: получу ли я письмо в воскресенье или понедельник. Зиночка, радость моя, заметь, что обещания даются для того, чтоб исполнять их, но ни в коем случае не для того, чтоб было что нарушить. Ты же понимаешь свои обещания в этом именно смысле, и не только не думаешь обнаруживать надлежащих признаков раскаяния — на что я уповал, но даже не объясняешь причины, почему ты так поступила. Ты скажешь, деточка, что это мелочь — но ты, значит, не понимаешь значения мелочей. Что такое копейка? Мелочь. А ведь из копеек составляются миллионы. И ты наверное согласна со мной, что человеку, стянувшему пятак, ничего не стоит стянуть и целковый, если плохо лежать будет. Таким образом, видя, что ты так свободно обращаешься с мелочью, могу ли я питать сладкую уверенность, что и в крупном ты не надуешь меня?

Неприятно и то, что продолжается, как оказывается, и поднесь эта препустая и пребезобразная жизнь. Я никак не ожидал, чтобы найти квартиру было таким трудным делом.

Неприятно и то, что так рано начинаются у тебя экзамены. Отчасти оно хорошо — заставит тебя хоть из-под палки, заняться делом и на время оставить в покое несчастную холеру, отчасти, — для меня — и дурно. Боюсь, что под предлогом занятий, ты станешь сокращать твои «большие» письма и радовать меня разве только по двенадцатым праздникам.

Неприятно, наконец, и то, что от твоих произведений пахнет иногда потом, как говорили про Достоевского. Но ему это было простиительно: несчастная журнальная кляча, обязанная к известному сроку доставить известное количество листов, Достоевский волей-неволей должен был вымучивать из себя фразы. Но ты, Зиночка, не Достоевский, а я не редакция. Мы просто две половины, по воле судеб и по твоей трусости, разделенные тысячью верст, и вполне естественно тяготеющие друг к другу и желающие все знать друг о друге. Без тебя я не чувствую себя полным человеком — приходится обманывать себя и хоть письмами удовлетворять потребность быть с тобой. И мне так же приятно говорить о самом себе, иначе — самому писать письма, как и получать таковые от тебя.

Взяв с тебя обещание каждую неделю писать мне большие письма, я предполагал именно, что эти письма не только не составят для тебя обязанности, но явятся весьма приятным делом — и, кажется, ошибся. Поэтому, Зиночка, я возвращаю тебе твое слово. Пиши, когда хочешь и сколько хочешь. Только, обязательно, раз в неделю присылай рапорты, т. е. краткий и толковый отчет о своих поступках.

Для того, чтоб писать рапорты, не нужно ни желания, ни потребности жить со мной одной жизнью — и ты таким образом, не насилуя себя, избавишь меня от многих огорчений.

Зиночка, не сердись на меня за это письмо и не упрекай в несправедливости. Пойми только, чего я хочу. Одного хочу я — чтоб ты без меня была таким же неполным человеком, как я без тебя. Т. е. хочу, в смысле: *хотелось бы*. Мне без тебя скучно — а ты в своем письме чуть ли не радуешься, что я так далеко от тебя и не могу ругаться. Вот и ошиблась — хотя, собственно, это письмо и не ругательное. До свидания. Целую тебя.

Твой Л. Андреев.

Мне очень неприятно было писать его.

61

29 июля 1892. Орел

29 июля.

Среда.

Ненадолго, однако, хватило тебя, дорогая моя Зиночка. Только две недели прошло с того дня, как ты плакала, расставаясь со мной, давала честные благородные слова и обещания. И я еще раз имел глупость поверить тебе, и еще раз наказан за это. Зачем это? Скажи, зачем ты обещала часто писать? Ведь я ж сам просил тебя отказаться от этого обещания, зная, что ты не исполнишь его, и только лишний раз помучаешь меня. И я был прав. Вот опять мучаешь меня. Ты знаешь, до чего стал я нервен. Такое пустяшное обстоятельство, как неполучение вовремя письма, способно испортить мне весь день. И ведь ты же знаешь об этом. Я говорил тебе: «Не обещай лучше: не исполнишь обещания — и мне будет тяжело». Так зачем же это, зачем? И неужели у тебя так много дела и мало времени, что ни любовь ко мне, ни опасение за мое здоровье не могут принудить тебя написать письмо?

И как вспомню я, как ты клялась, как оскорблялась при одном предположении, что обещания будут не исполнены — просто не знаю, что я готов сделать с собой. И я тебя сейчас ненавижу, ненавижу.

Следующий раз вместо такого письма, я совсем прекращу переписку с тобой. Утешайся А.А.

Л. Андреев.

Брошюрки, наверное, пропали дорогой. Ты давно уже написала мне, что они «сегодня *высланы*», но я до сих пор не получал их. Да, ты сильно заботишься обо мне ввиду холеры. Пожалуй, если я попрошу, вышлешь даже аптечку... к декабрю.

62

30 июля 1892. Орел

30 июля.

В холерное время всякое волнение и всякое сильное чувство — как я читал в расклеенных по городу объявлениях и как, наверное, прочту со временем в твоих брошюрках — очень вредны, так как предрасполагают организм к заражению. Ввиду этого и дорожа несколько своей жизнью, я пришел к печальному выводу — что наша с тобой переписка более продолжаться не должна. Не знаю, как действуют на тебя мои письма, подобные этому — но на меня твои письма производят действие обуха. Опишу тебе в немногих словах, каков я за эти два дня. По части физиологии изменения таковы: внезапное отсутствие сна, аппетита, головная боль и дрожь в руках. Психологии, как мало доступной твоему пониманию, я касаться не стану. Скажу только, что с удовольствием поменялся бы своей головой с любым из субъектов, заседающих в желтом доме. Ты изумлена, конечно? «Опять началось!», прежде всего думаешь ты, и с недоумением, отчасти притворным, спрашиваешь: «да из-за чего ж это? Уж не я ли...», далее следует перечисление твоих жертв. Бедная Зиночка! как это на самом деле возмутительно: уж не ты ли, вправду, всем жертвуешь, — даже письма через день пишешь (буквально: собиралась, клялась и обещалась писать) — а все мне, тирану и кровопийце мало! — Постараюсь вывести тебя из недоумения. Почему я вчера так огорчился и расстроился — ты уже знаешь из моего письма, полученного тобою вчера. Сегодня же — меня ошарашило твое письмо. Сiju я сегодня утром, смотрю на твое письмо — и думаю: неужели *это* писала та самая Зинаида, которая говорила, что «не может» расстаться со мной, которая так боялась за меня, любила меня, все готова была сделать для меня. Неужели она писала это бездушное натянутое письмо, из каждого слова которого видно только одно: что ей страшно скучно писать и как можно скорее хочется отбыть тяжелую повинность? Ты думаешь, я ошибаюсь в оценке твоего письма? Я расскажу тебе, как ты писала его. В понед<ельник> ты получила мое письмо. Под свежим впечатлением его, ты села с самым серьезным намерением написать мне «хорошее» письмо. Но не кончила ты еще первой страницы, как свершилось нечто. Был ли это Д.П., пришедший к *вам*, был ли это вернувшийся из Гатчины А.А., или же наконец тебе стало просто скучно, и явилась охота поваляться с книжкой на кровати — покрыто мраком неизвестности. Известно только то, что ты отложила в сторону, после некоторого колебания, письмо, решившись продолжать его вечером или на другой день.

Колебалась, потому, что таким образом, ты не исполняла своего обещания и я должен был получить письмо вместо среды — в четв<ерг>. Но ты сказала себе: «Это пустяки — один день ничего не значит!» Ты, положим, знала, что *значит*, ибо на разъяснение этого обстоятельства я потратил достаточно времени — но ведь совесть у тебя довольно гибкая и доверчивая: чему угодно поверит. (Заметь, что предполагая о твоём колебании, я высказываю очень хорошее мнение о тебе: ты могла попросту и без затей бросить надоевшее письмо). Затем на другой день ты стала продолжать письмо. Приступая к этому неприятному занятию, ты очевидно думала только одно: «чем бы наполнить эти три страницы?» — и начала придумывать. Так как ты на это не мастер (это ясно из того, что ты, напр. о Варв<аре> говоришь два раза одно и то же), то ты постаралась писать как можно более разгонистым и безалаберным почерком, чтоб побольше занять места. Ты всегда поступаешь так, когда не о чем или *некогда* писать. Затем, дойдя до желанного и стереотипного «целую тебя», ты почувствовала несказанное облегчение и с радостной мыслью: «теперь я свободна на полтора дня!» отдалась предстоящим удовольствиям и вполне заслуженному отдыху. Впрочем, забыл еще: видя внизу листа свободное местечко, ты поспешила им воспользоваться и... послала поклон Анастасии Николаевне¹. Счастливая А.Н.! — наконец-то дождалась она этой чести. — Я думаю, Зиночка, что у тебя хватит честности и беспристрастия, чтоб согласиться со всем этим. Впрочем, на это трудно рассчитывать.

Во всяком случае результат один: *таких* писем получать от тебя я не желаю. Я не шутя говорю тебе, что мучаюсь страшно. Помнишь, что я говорил тебе перед отъездом: «нам нужно порвать. Ты не можешь быть такой, какой нужно — а я не могу не мучаться». Когда я уезжал, видел твои слезы и твою любовь (?), я стал думать иначе. Я думал, что при твоей помощи я избавлюсь от нервов и во всяком случае ради твоей любви *во что бы то ни стало* изменю себя. Теперь я вижу, что ничему этому не бывать. Вижу, что твои обещания — ложь, ложь передо мной и перед собой. Вижу, что твоя любовь — я ее, моя радость, не отрицаю — *твоя любовь не из таких, из-за которой стоило бы менять себя*, стоило бы ломать свою натуру, вырывать с корнем то, что издавна в ней укрепилось. Вижу, что для тебя твоя лень, твое легкомыслие и эгоизм дороже моей жизни, моего спокойствия и счастья. Я тебя не виню в этом, Зиночка. «Могий вместити — да вместити»². Ты не можешь вместить той любви, какая нужна для меня, искалеченного. Слишком искалечена сама ты, слишком сильна в тебе любовь к себе, к своему телу,

к своим ощущениям. Ты бежишь от холеры, оставляя ей на закуску любящих тебя, ты с презрением отвертываешься от мелочей, зная, что эти мелочи стоят другим жизни. Я уверен — умри я сегодня, ты завтра будешь в Аркадии. Это уже было: я был в больнице, а ты в... отчаянии, можно подумать — нет, не в отчаянии, в опере.

И я не смогу дальше выносить этой «любви». Ты видишь, я пишу связно — а почему, ты знаешь? Потому что я должен был выпить водки, чтоб стать живым человеком. А что значит для меня водка?

Вот что я скажу тебе: если еще раз повторится то же, т. е. я не получу от тебя письма или получу такое, как сегодня — я прекращу с тобой переписку и... остальное. Употреблю всю силу воли, какая есть во мне — но постараюсь разлюбить тебя и забыть. Быть может я не выдержу... но лучше сразу, чем понемногу.

Л. Андреев.

Ответ на это письмо должен быть во вторник. Посылаю тебе твое письмо: не хочу иметь этой мерзости.

Прочти письмо во второй раз.

---

¹ Мать Андреева.

² Мф. 19: 12.

63

7 августа 1892. Орел

7 августа.

Зиночка! Я ушел от тебя под таким скверным настроением, что оно остается и до сих пор; и хочется рассеять его письмом — хоть немного. Что такое стряслось с нами обоими, с чего сыр бор загорелся — в толк не возьму. Якобы причина, т. е. неисполненное мною обещание, так в сущности ничтожна, что дело очевидно не в ней. В чем же дело? Из-за чего мучались мы оба, чем оскорблялись и т. д.? Не думаю, чтоб все мои резкие слова заставили тебя усомниться в моей привязанности; не сомневаюсь и я в твоей. Из-за чего ж мы страдали?

Зина, нам нужно столкнуться насчет будущих отношений. Оставить их в таком неопределенном виде невозможно. Выясним дело. Прежде всего определю в точности мое чувство к тебе. Если ты сделаешь так же относительно себя, можно будет сговориться насчет и отношений, как результата.

Я тебя люблю сильно. Несмотря на все упреки в непонимании, ты для меня самый близкий человек. Когда я окидываю мыслью всю разношерстную толпу знакомых и друзей, любвей, бывших и насто-

ящих, я чувствую, что все это *чужие*, с которыми можно поболтать, сыграть партию в любовь, в дружбу — и сыгравши, раскланяться и уйти. И уйдя, забыть об их существовании, как они забывают о твоём, лишь только вышел ты за дверь. С тобою не то. Далека ли ты или близка, я связан с тобой, связан чем-то, столь же крепким, столь же непобедимым, как любовь моя хотя бы к матери. Эта любовь не в рассудке, не в сердце — она в кровь и плоть мою вьелась. Рассудком я буду признавать одну, сердцем другую, а всем существом своим буду льнуть к тебе. Ты спрашивала, кого я больше люблю, тебя, или ту, неизвестную. На это нельзя ответить и этого нельзя спрашивать. Любовь к тебе и любовь к кому бы то ни было — вещи разнородные, количественно несравнимые.

К характеристике моей любви к тебе нужно прибавить, что она не свободна от чисто физического влечения. Когда к любви примешивалась страсть, влечение было крайне сильно. Теперь оно слабее, но оно есть. И оно-то составляет камень преткновения. Не будь его — отношения были бы ясны. Мы были бы прекраснейшими друзьями, такими, как бывают друзья с детства. Но оно есть — и дружба к черту. Одинаково к черту, будет ли влечение удовлетворяться или нет. Если оно не будет удовлетворяться, будет (для меня, по крайней мере) мука мученическая. Мне мало видеть тебя, говорить с тобой, — мне нужно ласкать тебя. А в ласках границ не может и не должно быть. И если я усилием воли подавлю в себе проявление этого чувства, то самого чувства тем не уничтожу. И останется вечная и мучительная неудовлетворенность. Следовательно, чтобы сохранить отношения, необходимо следовать влечению. Но и здесь препятствия. Разберем (говорю начистоту и только за себя; ты за себя скажешь сама). Самое важное — мы любим других. Т. е. для меня есть женщина, обладания которой я хочу; у тебя есть мужчина, которому ты готова отдаться. Результаты этого таковы: наше сближение не может дать надлежащего наслаждения, т. е. будет являться досадная мысль: «а если это не он, а *тот*? или та?» Другая досадная мысль: «вот сейчас она моя, а явится *тот*» и т. д. Но за исключением этих досадных мыслей препятствий нет (по-моему). Ты говоришь — это дурно. Почему дурно? Ведь мы любим друг друга? Ведь *это* является не целью наших отношений, а неизбежным следствием. Если это дурно, то ведь дурно и целовать тебя. И по-моему *это* было бы дурно тогда, если бы сходились единственным, или главным образом для *этого*.

Оборву, Зиночка, свое рассуждение, ибо хочу спать, поздно, с трудом пишу. На прощание попрошу тебя обдумать все это хорошенько. Быть может наши решения сойдутся. О своем решении

скажу в пятницу. Зайду с вокзала за тобой. Кажется, у меня будет Велигорский, ну да как-нибудь ухитримся поговорить. Мне ты не отвечай, так как я не успею получить письмо. Целую тебя.

Л. Андреев.

Я чувствую, что ты переживаешь реакцию и принимаешь по поводу меня всякие суровые решения. Подожди разговора.

64

9 августа 1892. Орел

9 августа.

Итак, все кончено. Думал я с тобой пройти рядом весь жизненный путь, а вместо того дороги наши теперь уже пошли по разным направлениям. Что ж! может так и лучше. Мы оба молоды и, глядишь, сумеем найти лучшее. Трудно будет заполнить ту пустоту, которая образуется теперь в моей жизни — да и это вопрос времени. Для тебя не существует даже этого вопроса. Ты давно уже не любишь меня, а привычку, которая связывала тебя со мной, легко оставить. Таким образом, все делается к лучшему в этом лучшем из миров¹.

Ты, быть может, удивишься — хотя ты могла представить, и я тебя предупредил в телеграмме — этому внезапному разрыву. Объясню вкратце причину. Ты не можешь или не хочешь изменить себя и говоришь: бери меня такой или оставь. «Такой» я взять тебя не могу — отсюда понятно дальнейшее. Затем: твои последние письма и поступки убедили меня в твоей нелюбви. Что делалось со мной, когда я убедился в этом, говорить поздно, да и не к чему. Сейчас я чувствую себя так, как будто я только что встал после тяжелой болезни. Но в моих руках заключалось еще одно средство к спасению. Ты клятвенно обещала приехать сюда *по первому моему требованию*. Ведь ты помнишь это? Я потребовал и прибавил, что иначе — прощай. Ты не приехала. В оправдание ты привела много. И «совестно» перед Надеждой, и денег нет и еще что-то, чуть ли не то, что в Петербурге холера, а в Орле ее нет. Да это все равно. Когда я требовал тебя сюда, я знал и про Н., и про деньги — да и ты, давая обещание, тоже ведь знала об этом. Я не думаю, чтоб ты, говоря «приеду», рассчитывала выиграть 100 000. Да что и говорить про эти «причины» — было бы смешно, если бы не было так грустно! Все это ложь перед самой собой.

Писать я тебе больше не буду, да и ты, думаю, тоже. Нам остается одно: забыть как можно скорее друг друга. Я думал перевестись в Москву, но меня удерживает освобожд<ение> от платы и стипендия. Желая тебе всего лучшего. Я не помню того зла, которое

сделала ты мне, и помню одно хорошее. Один последний совет. Не сходишь ни с кем *так*, как со мной. Этот совет я хотел дать тебе перед смертью — да это все равно: *для тебя* я умер. Исполни, если не трудно, одну просьбу. Вышли нашу общую карточку. В свою очередь при первом требовании вышлю твое кольцо и что потребуешь. — Не думал я, что таким печальным образом придется мне ознаменовать свое совершеннолетие. Прощай.

Л. Андреев.

---

¹ Слова Панглоса из «Кандида» Вольтера.

65

23 августа 1892. Орел

23 августа.

Ты думаешь, Зиночка, что нам не следует рвать? Как хочешь. Можно все оставить по-старому. «Зиночка... Лапочка... целую... твой и твоя...» Что ж — мне все равно. Только не будет ли для тебя хуже? Сейчас я, положим, даю тебе полную свободу: люби, изменяй, пиши по вторникам или четвергам, живи на Екатерингофском или хоть у самого черта в аду — дело твое. Но что будет, когда я пожалую в Питер? Опять скажу: Зиночка, сядь здесь? Зиночка, смотри направо! Зиночка — смейся, иначе я убью себя! Что ж тогда будут делать Зиночка и Линочка? Зиночка в кроватку — Линочка в Золотой Якорь. Зиночка в негодовании, Линочка в слезах. Опять будут ломаться этажерки, разбиваться стаканы, руки и головы. Но ведь это скучно. Жизнь, черт возьми, должна быть разнообразна! И, главное, мне жаль тебя. Линочка сумасшедший, Линочка негодяй, Линочка пародия на человека. Если б он не был таким негодяем — он давно бы должен был лежать в «земле сырой» — но он негодяй, у него не хватает «пороху» и он отливает много пуль — а Зиночка? Зиночка человек, Зиночке нужен свет, Зиночка стремится к чему-то, чего-то желает — зачем же стану я ей на дороге? Зиночка — направо! Зиночка налево! Боже мой, как это скучно! Но дело не в этом. Дело в том, что я ничего не могу дать тебе — да и ты мне. Я могу только тормозить тебя — а под пьяную руку убить даже. А ты? Что для меня *ты*? Я имею несчастье быть человеком. Мне нужно что-нибудь делать, кого-нибудь любить, из-за чего-нибудь страдать, чем-нибудь наслаждаться. Вот я и делаю: учусь, бегаю по урокам, пишу какие-то глупые вещи. Нужно любить — я и любил тебя — из-за тебя страдал, наслаждался. Но все это комедия. Не нужно мне ни ученье, ни ты. Все это для отводу только глаз. А что мне нужно

взаправду — ей-богу, не знаю. И мне поэтому жаль тебя. Тебя любят многие — ты могла быть счастлива с ними — а вместо этого ты должна страдать и служить для меня — только игрушкой, только средством самообольщения.

Быть может, твое последнее письмо вызвано жалостью. Ты думаешь — без тебя я совсем окочурюсь. Напрасно. Для меня легко найти новую «Зиночку», новую игрушку, новые причины для страданий и наслаждений. И одинаково буду страдать я — с тобой и без тебя. Но если действительно тебе скверно без меня — я опять твой. Мне наплевать. Писать тебе опять письма? Могу. Опять из-за тебя страдать, пить водку и ходить по трактирам? Могу!

Мне все равно. Жизнь загублена, душа продана черту. И будет ли этот черт З. Сибилевой или ?.. Васильевой — мне все равно. Будем пить и пировать, смеяться и плясать! Я подлец, я живу на содержании у тебя — наплевать! Жалко одно — пропал человек!

Итак, Зиночка, если хочешь, я опять твой. Только жаль мне Хреникова — он наверное поспел пропеть мне вечную память — и вдруг я опять воскрес. Утешь его...

Целую тебя.

Твой Л. Андреев.

Поклонись Э<мме> В<асильевне>. Как все это глупо, подумаешь.

66

1 сентября 1892. Орел

1 сентября.

Твое письмо, Зиночка, произвело на меня тяжелое впечатление. Мне очень жаль тебя, голубочка моя. Как бы хотел я сам утешить тебя, поцеловать твои глупые глазки — а вместо того приходится писать банальные фразы. Скажу только, что скучать тебе незачем и не к чему и причин на это никаких быть не должно. Сама ты рассуди: все эти неприятности, вроде холеры, неспособности готовиться к экзаменам, нашей с тобой перепалки — все это «момент преходящий». Пройдет месяц, два — все войдет в свою колею. Станешь по-прежнему учиться, ходить в оперу и т. д. Ведь жизнь не стоит ни минуты: нынче горе, завтра радость, нынче тень, завтра — свет, и так до конца. Чего ж грустить, зачем *всю* жизнь окрашивать в цвет минутного настроения.

Если тебя допекают грустные мысли по поводу меня — так ты это оставь. Совсем не хочу я этого. Достаточно и того, что свою жизнь отравил. Приучи себя к мысли, что я и ты — два совершенно особых чело<ека>, и гибель одного вовсе не влечет гибели другого.

Я хандрю, я схожу с ума, медленно разрушаюсь от тысячи различных болезней — ты будь весела, живи полной жизнью, делай счастливыми себя и других. Моя песня спета — я уже кончил жить. Тот процесс, который переживаю я теперь, жизнью нельзя назвать. Это — отражение жизни, скучный постоянный самообман. Я уж не верю теперь минутным вспышкам настоящей жизни, внезапным подъемам духа, скоропреходящему желанию трудиться, быть умным и славным. Слова погубили меня. Нет у меня ни чувств, ни желаний, ни мыслей — одни слова и слова. Ну да все это известно. Одним словом — Леон<иду> Н<иколаевичу> — капут. Но отсюда не следует, что и З.Н. — тоже.

Я очень рад, что ты меня любишь и верю этому. Я сам люблю тебя — но не по-прежнему. На меня хорошо, кажется, подействовала наша размолвка. Я покипел, как следует, побесновался — и уразумел, что был неправ. Не в частностях — в частностях я, как не по летам и курсу опытный юрист, был прав, но в целом. Я не должен был требовать, чтоб твоя здоровая жизнь была принесена в жертву моему изломанному существованию. Если б эта жертва могла еще исцелить меня — а то ведь я знаю, что нет. Ну да довольно об этом. Мне противно говорить о себе, высказывать все эти ни к чему ровно не ведущие рассуждения. И подумать только, что эти «рассуждения» до сих пор заменяют для меня жизнь!

Отвечу на твои вопросы, но с оговоркой: не огорчайся только. Прежде всего лечение мое окончено давно уже. Попросту надоело чинить себя, когда отовсюду открываются новые дыры. Здоровье плохо. Прежняя слабость, катар — и вдобавок по временам мучительные головные боли. И наконец — я был как-то сильно пьян; был у меня Болховатин, нашел порок сердца и обещал, что я следующий раз умру. Обещанию этому я ни на грош не верю, если б все эти обещания исполнялись, я давно уже был бы на том свете, или, по меньшей мере — в сумасшедшем доме. Далее — одно время я стал было опять попивать со скуки — но теперь почему-то бросил. Должно быть, потому, что сейчас у меня «подъем духа». Усиленно пишу свои рассказы и мечтаю о славе.

Когда приеду в Петербург — не знаю. Может, не скоро, а может через неделю. Все зависит от того, сколько продолжится этот подъем. Если долго, останусь в Орле, чтобы писать — писать я задумал много — а нет, прикачу в Петербург, как снег на голову. В общем — без Петербурга скучаю. Сказал бы — и без тебя, да ты это сама знаешь. Приехал бы, может, и раньше, да опасаясь, как бы у нас не началось старого. Хоть и решил я совсем изменить себя — да ведь ты хорошо знаешь, чего стоят мои решения? Думаю, ничуть не меньше, чем твои

обещания. Прости, Зинулочка, за шутку. — Варвары нет в Орле, она у Зайцевых в деревне. Наталья говорила, что она (Варв.) *не поедет совсем* в Петербург. Что это значит?

Меня страшно поразила смерть Ашуркова. Я до сих пор не верю, не верю ей. А как она должна была подействовать на тебя?.. Бедная моя Зиночка!

Не тревожься, Зиночка, что редко пишу. Это признак хороший — значит, делом занялся. Есть у меня один грех — да теперь не скажу, может, ты не стоишь того. — Голубочка, пришли мне пожалуйста карточку: ужасно посмотреть хочется. На днях, должно быть, еще напишу. Холеры у нас нет. Теперь, когда умер Ашурков, не поворачивается даже язык пошутить над ней. Прощай. Целую твои лапочки, написавшие мне такое большое письмо.

Твой Л. Андреев.

Поклонись Реймер. Скажи: жив курилка! А *groros*¹: ты не изменила мне? Не совсем уместный вопрос — но ведь ты знаешь меня. Еще одно — не забывай, что находящиеся у меня деньги — твои.

¹ Кстати (франц.).

67

9 сентября 1892. Орел

9 сентября.

Итак, Зиночка, ты довольна мной? Ну что ж — слава Богу! Я готов поддерживать тебя *и словом и делом*. Учись, развивайся, забудь ту Зиночку, которая готова бывала для своей личной жизни, для «Линочки» совершить христианский поступок любви и «всепрощения»: забудь ее! Будь Зиночкой, работающей для общего блага, будь Зиночкой, забывающей индивидуальные страдания для страдания «человечества», будь Зиночкой, отвергающей чистую любовь и принимающей ухаживания! Будь ей! Слушай Соколова, пихающего тебя на какое-нибудь дело (узкой) благотворительности, будь... Да что тут разговаривать. Ты и я — два полюса. Ты — человек развитой, непосредственный, готовый, при виде слез ближнего, пролить свои слезы и утешить его, ближнего — а я... я — я, Леонид Николаевич, готовый всегда выпить рюмку водки, готовый забыть все человечество для какой-нибудь нищенки, говорящей: «барчук, хочешь за 3 коп. получить удовольствие», готовый в страдании ближнего почерпать свое удовольствие.

Итак, — ты довольна мной! Напрасно. Не нужно быть довольным мной. Зина, я не хочу лгать. Я люблю тебя по-прежнему. По-прежнему

му в одной тебе заключается и смысл моей жизни и ее удовольствия. Коли ты изменила мне, не любишь меня:

Пропадай ты жизнь молодецкая!

А если ты меня любишь... Пстой! — Вправду ли ты любишь меня? Вправду ли дорог для тебя процесс именно моей жизни со всеми ее страданиями?

Нет, Зиночка, нет. Дорого для тебя одно: дорого то, что я до сих пор «*сравнительно*» вел тебя к лучшей жизни. А то: не все ли равно для тебя: я или А.А.? Да он даже лучше — не правда ли? Я для тебя ничего не делал: — а он... он заваривал чай, он чистил твои башмаки, приносил конфет...

Пстой! Я пьян. Я не понимаю, о чем говорю. Для меня ясно одно. Я люблю тебя, одну тебя. Для меня дорого твое тело, твое лицо и глаза. Много я видел теперь тел, кроме твоего, много глаз улыбались мне, — но ни одного не хочу я! Тебя, тебя хочу я! Слышишь, Зина?

А впрочем, как хочешь! Все мне надоело. И ты, и жизнь. Раньше или позже — вот вопрос.

Слушай, Зинаида, я теперь пьян — я постоянно пьян. Я выступил на поприще общественной жизни. Я дежурю в дешевых столовых — знаешь, образованы для простого народа, я участвую в спектакле для Дома Трудолюбия в спектакле 15 сент. в городском театре, я... Ну да ты, вкупе с Н.Н. С., поймешь меня — я работаю для себя, не для народа. Я, как будущий писатель, хочу наблюдать, хочу узнать жизнь. И для этого я стал участвовать во всей этой... ерунде. Я ухаживаю за тьмой новых барышень, и пользуюсь успехом — все для этого. Я пьянствую с Мишкой Ольгиным¹ и с прочими — все для этого. У меня был роман с З. В.², с луной, лодкой и прочей грошовой поэзией — все для этого. Я хочу узнать людей, презирать их — и потом описывать. Я уж написал один рассказ³. Скоро пошлю в «Русскую мысль». Если его не примут — я устрою кавардак.

Объясни мне: что значит «я принимала ухаживания А.А., но не изменила!» «Я знаю, что не могу жить *с тобой*»?

Если хоть раз А.А. прикоснулся к тебе — губами или чем бы то ни было — я не покажусь в Петербурге. Если ты не хочешь жить со мной на одной квартире — я уйду в Москву. Так ты это и знай. Будем жить разной жизнью — но на одной квартире.

Впрочем — погоди! я — пьян. Отчего, почему, зачем — лишний вопрос. Может оттого, что я счастлив.

Ах, Зина! Если б ты хоть раз испытала то, что я, читая твое: «с тобой жить нельзя: ты слишком мрачен!»

Все это ерунда. Я жизнерадостен. Про меня орловские девицы говорят: ах, как он смешон и оригинален. В меня влюбляются. Я за

это время покорило много сердец. Я знаю, что если захочу — все эти подлецы, пьяницы, дураки, жизнерадостные идиоты и круглогрудые идиотки будут у моих ног. Я знаю это — и мне скучно.

«Мне скучно, черт!»⁴

Прощай, Зина. Ты любишь *меня*? Если любишь — пожалеешь. Я приеду в октябре. Напиши: *будем мы жить вместе или отдельно*. Я хочу вместе — но дело твое, ты решай!

Мне жаль Ошуркова. Я не могу забыть его. Зачем не я?! Зина, я страдаю, безумно страдаю. Я плачу. Прощай.

Мы будем пить, и пировать

Смеяться и плясать

а с другой стороны:

Зачем ты безумного губишь?⁵ Целую.

Твой Л. Андреев.

Ответ пожалуйста до 1-го октября? (относительно денег — я пропью их, *но возвращу все-таки!*)

Я напишу, когда поеду в Петербург, вексель с поручительством матери, т. е., если я умру, ты взыщешь долг *с матери*.

Разумовский рассказывает про меня здесь, что я не люблю тебя и только пользуюсь тобой и содержанием. Эти рассказы заставили меня много мучаться⁶.

¹ Михаил Федорович Ольгин (1869–1931) — приятель Андреева по гимназии, а затем и по юридическому факультету Московского университета, по окончании которого работал на разных судебных должностях в Орловской губернии. Прототип персонажей Андреева из произведений о студенческой жизни (Мишки в «Днях нашей жизни», Котельникова в «Младости», Костюрина в «Иностранце»), автор воспоминаний [4].

² Роман с Зинаидой Ивановной Васильевой продолжался с середины августа до ее отъезда в Москву 6 сентября [3, с. 275–290].

³ Речь идет, видимо, о первоначальной редакции рассказа «Загадка», наброски к которому сохранились на последних листах дневника за март–сентябрь 1892 г. [3]. Рассказ был опубликован: Орловский вестник. 1895. 21 нояб. (№ 312); 24 нояб. (№ 314); 25 нояб. (№ 315), 26 нояб. (№ 316). Подпись: Л.А. См.: [2, с. 35–50, 463–470, 712–715].

⁴ Начало «Сцены из Фауста» А.С. Пушкина (1825).

⁵ Переделанная первая строка популярного мещанского романса «Безумная», приписываемого Матвеем Ожегову: «Зачем ты, безумная губишь, Того, кто увлекся тобой...» (1880–1890 гг.).

⁶ Последняя фраза записана на отдельном клочке бумаги, возможно, оторванном от другого письма.

11 сентября 1892. Орел

11 сентября.

Извини меня, Зиночка, за прошлое письмо. Писал я его пьяный и нагородил, кажется, всякой чепухи, на которую ты не должна обращать внимания.

Я очень рад, что твое нравственное состояние улучшилось и с своей стороны, готов сделать все, чтоб не испортить его. Прошу тебя поэтому не придавать значения моему «требованию» жить вместе, на одной квартире. Это остатки прежнего Л.Н., проявившиеся под спиртовой реакцией. Живи как хочешь и где хочешь. Если та жизнь, какую установишь для нас ты, покажется мне тяжелой, я уеду из Питера, переведусь, наконец, совсем в Москву, вообще как-нибудь постараюсь избавить и тебя и себя от лишних мучений. Я махнул рукой на свою жизнь; я счастливым быть не могу, а *как* я буду несчастлив, не все ли равно? Деточка, не хочу я, чтоб на моей совести лежал упрек и за твою гибель. Я и так слишком, слишком презираю себя, чтоб еще увеличивать это презрение. Мне страшно тяжело, голубочка. Прости, что я пишу тебе это. Мы слишком разные люди, ты не поймешь меня, и я только отравлю тебе лишнюю минуту жизни. Но ведь ты у меня одна, перед которой я могу обнажить свою душу, раскрыть ту грязь, которая ее наполняет. И мне так надоело ломать постоянную комедию перед людьми.

Да, я глубоко пал; я подлец — все мое несчастье в том, что я хотел бы быть честным. У меня сложился идеал честного, настоящего человека и я глубоко страдаю, видя что на деле — я подлец, в каждом поступке, слове, даже мысли. Я презираю себя за это, ненавижу, но не могу переменитьсь. Я даже не пробую этого. Я не верю в свои силы; я слишком умен, чтоб не видеть всей своей неспособности к какому-нибудь труду. Знаю, что ничего не выйдет из моего писательства, знаю, что им я только обманываю и себя и людей. И во всем обманываю. Люди считают меня честным и я должен поддерживать это заблуждение. Ты говоришь: «Линочка, я знаю, что ты отдашь мне когда-нибудь деньги» — и я говорю «конечно», и презрение мое к себе возрастает, потому что *я знаю*, что никогда не отдам, потому что никогда не буду в состоянии работать. И каждая копейка из этих денег, которую я трачу, увеличивает и возобновляет мои страдания. А не тратить не могу. Да, нехорошо презирать себя.

Вот еще возьми: сколько времени мучает меня то письмо, которое я написал тебе, в особенности то место в нем, где я говорю о Васильевой. Я не должен был говорить, это скверно, а я сказал, чуть ли даже не похвастался. И так каждую минуту. Каждую минуту мучает меня

сознание, что я делаю не то, что нужно. И каждую минуту мне кажется, что все это ложь, т. е. все что я делаю. Я совершенно раздвоился, и одна половина мучает другую. И никуда не уйдешь от этого раздвоения. Целую ли я, напиваюсь пьян, устраиваю оргию в публичном доме — я, теряя сознание, думаю одно: я не должен этого делать, это ложь, ложь и ложь.

Ну да что толковать. Важно одно: я презираю себя. Я боюсь заглянуть в будущее.

Так-то, Зиночка. Только ты не огорчайся, не стоит этого. Лучше скажи мне: как твои экзамены? и вообще занимаешься ли и чем? Объясни мне что значит: «я принимала ухаживания А.А., но не изменила тебе»? Понимаешь, я тебя ревную, хотя не должен бы... видишь, опять не должен? Деточка, я все ведь по-прежнему люблю тебя, хотя тоже не должен бы. Мне так хотелось бы повидать тебя, но боюсь. Боюсь себя. Теперь я охотно верю, что ты любишь меня, а тогда стану сомневаться.

Зиночка, неужто ты уже растранижила все свои деньги? Это свинство. Во всяком случае ты не ожидай стипендии и бери у меня, коли очень понадобятся.

Вот еще просьба: начинаются холода, а пальто мое в Петербурге, в закладе. Не можешь ли ты попросить выкупить его и переслать сюда? Если можешь, я пришлю денег. И скажи: *стоит* мне ехать в Петербург в октябре, как я хочу? Отвечай откровенно. Потом объясни, как ты намерена устроить нашу жизнь, не в принципе, а на практике? Прощай, деточка. Желаю тебе всего лучшего. Каков оказался брат А.А.? Так ли демоничен, как он обещал?

Целую тебя.

Твой Л. Андреев.

69

17 сентября 1892. Орел

17 сентября.

10 ч. вечера.

Зина, меня сейчас одолевают скверные мысли и скверные чувства. Извини, что я нарушу ими твой покой. Но именно он, этот покой, мучает и бесит меня. Это скверно, но я ничего не могу поделать; мысль, что ты счастлива без меня и помимо меня, — мне очень тяжела. Когда ты несчастна, когда я вижу твои слезы — я все готов сделать для тебя; но когда я подумую, что ты весела, смеешься, забывши меня, «прини-

маешь ухаживания», в то время, как я сижу один, полный физической и душевной боли — мне очень тяжело. Я сейчас сижу дома, один; мать ушла куда-то на именины, только одни детишки за стеной зубрят уроки. Я тоже мог бы пойти куда-нибудь, но мне тяжело показываться к людям; мне кажется, что я восстановил их своим безобразным поведением, что им неприятно будет видеть меня. И вот я дома — вдвоем с мучительной тоской о зря потраченной жизни, с мыслями о бездне тех страданий, которые ожидают меня в будущем. И ничего, ничего не вижу я в этом будущем; в прошлом — одни бесплодные страдания, водка, безобразия, ложь и позор, в будущем — то же, и ни одного луча света. Чего бы только не отдал я за надежду, что не все еще пропало, что есть еще «что-то», для чего стоило бы жить. Надежды нет, никакой надежды. Можешь ты это понять — *никакой* надежды? Мне страшно оставаться с собой, одному с своими мыслями. Мне *не о чем* хорошем думать. Прежде я думал: вот сейчас скверно, но я буду трудиться, делать то и то — и жизнь пойдет хорошо. Но теперь я не верю этому, я знаю, что впереди меня ожидает та же водка, та же бессмысленная жизнь, которая заставила меня презирать себя. Никакого исхода. Есть один, но у меня не хватает силы. Вчера я решил было совсем — но настало утро, и мне страшно захотелось жить, как живут все, любить себя, интересоваться чем-нибудь.

Нынешний вечер я долго, без цели шатался по улицам, потом пришел домой, стал читать, но не могу. А тут пришла мысль о тебе. Вспомнил, что Надежда нынче именинница, и у вас, значит, гости. Разом представилась вся эта картина; как будто перед собой увидел я тебя, оживленную, с блестящими глазами, разговаривающей с кем-нибудь. Ты весела, ты забыла про меня. А потом дальше... воображение все работает. Вижу тебя вдвоем с «ним»... ну и так далее. Не хочу говорить.

Зиночка, милая, разоидемся с тобой совсем, совсем. Не могу я этого выносить. Измучаю я тебя и себя этими письмами, ревностью, хандрой. Я сейчас хочу, чтоб ты любила меня *больше всего на свете*, как любит меня мать, но если б ты полюбила меня *так* — я перестал бы замечать это и ценить, как я не ценю любви матери. Я человек невозможный. Такие, как я, созданы только для гибели своей и окружающих. Укажи хоть что-нибудь хорошее, что есть во мне или что я сделал для других. Один только вред, для себя и других. Я мучаю тебя, я постоянно мучаю мать, развращаю примером детей, мучаю окружающих своим буйством, хандрой. Найди мне хоть одного человека, которому я сделал бы хоть что-нибудь хорошее — и я перестану презирать себя. Ни одного не

найдешь. Я как прокаженный, заражающий всех своей болезнью; находиться со мной под одной крышей — значит получить патент на страдания.

Ты ведь понимаешь, что это правда. Поэтому разойдемся с тобой. Я предупреждаю тебя, любя тебя. Понимаешь, я сейчас *делаю, говоря это, единственно хорошее в своей жизни*. Мне страшно тяжело просить тебя об этом; как будто просить отрубить себе руку. Но я прошу тебя, разойдемся. Я могу спяну причинить тебе *много зла*. Я предупреждаю тебя, хочу раз поступить честно. Я поступаю против себя. В душе я хотел бы лучше убить тебя, чем отдать другому.

Тебе легко будет разойтись со мной. Ты меня не любишь. Ты обманываешь себя. И прежде, когда ты так много делала для меня, ты меня не любила. Ты была просто задавлена мной, ты была, так сказать, загипнотизирована мной. Я душил тебя, как петлей; постоянными последовательными упреками, требованиями я лишил тебя воли.

Зиночка, не спорь со мной. Я это *знаю*.

Итак, вот чего я прошу. Ответь на это письмо и скажи, что согласна порвать, а я уж постараюсь, чтоб мы никогда не встречались. Только не говори, пожалуйста, что еще любишь меня, не мучай.

Ну больше говорить не о чем. Я тебя люблю, но я знаю, что это для тебя значит — «прощай радость...»¹. Я мучаюсь страшно, но я это заслужил. Я раньше стоял выше жизни: презирал ее и людей; теперь я ниже ее: я презираю себя и люблю жизнь. У меня не поднимаются руки для самоубийства, и за это я ненавижу себя. Но я их заставляю подняться... когда-нибудь. Прощай, деточка моя. Мать сейчас сказала мне (она вернулась), что ты была 11-го именинница. Если это так, то прости меня. Я никогда не помню этих проклятых чисел. Мать (по-своему следящая за нашими отношениями) говорит, что должно быть ты рассердилась на меня и поэтому так долго не пишешь. Не думаю, чтоб это была правда.

Когда придет Над<ежда>? Или она останется в П<етербурге>, как у нас говорят? У меня находится квитанция от посланного к тебе багажа; нужна она тебе?

О том, как живу, писать нечего. Скоро Над<ежда> получит от Нат<альи> письмо, из которого ты наверно узнаешь все, даже больше.

Целую тебя всю, как когда-то, крепко, крепко. Прощай.

Твой Л. Андреев.

Посылаю заказным, потому что не знаю наверно твоего адреса, ты не пишешь.

¹ «Прощай, радость, жизнь моя!» — русская народная песня, особенную популярность приобрела позже, в исполнении Ф.И. Шаляпина.

70

28 сентября 1892. Орел

28 сентября¹.

Мне кажется, ты несколько неверно судишь. Быть может, ты меня неверно поняла. Я требовал, чтоб ты была моей работой только по отношению к раздражающим меня *мелочам*, вроде долгого молчания, неисполнения пустяшной просьбы и т. п. Во всем же крупном, дающем направление жизни, я, *по обыкновению*, согласен уступать тебе. Это понятно. Для меня почти безразлично, в какую сторону пойдет моя жизнь вслед за твоей — поэтому я так легко соглашаюсь, вопреки собственному желанию и матери, ехать за тобой хоть в тот же Петербург. Для меня, по несчастью, в жизни остались одни мелочи — и за них-то я ратую. И удивительное дело — в тебе я нахожу сильного противника, не согласного без бою уступить ни одной мелочи. Это странно. Судя по твоим письмам, словам, у тебя в жизни есть серьезные цели и задачи: учиться, работать для людей и т. д. Я тебе не препятствую в стремлении к этим целям, и не намерен препятствовать — из-за чего ж у нас разговор идет? Дело в том, что для тебя так же дороги все эти мелочи, как и для меня, беспутного. Своим стремлением «к свободе», желанием учиться ты только прикрываешь свою распущенность и эгоизм. Ты не можешь пересилить себя, своей лени в таком пустом деле, как посылка карточки, письма и т. п. — и заявляешь, что я своими требованиями лишаю тебя свободы. Ты курсистка, ты стремишься к чему-то бесконечно хорошему, ты краснеешь, когда Н.Н. спрашивает тебя: «читали это?» — и в то же время живешь ты так, что только дикарю впору. Ведь только для дикаря всякое желание является законом. Человек развитой понимает, что нужно ограничивать проявления своего эгоизма, иначе не мыслимо общество и общественная жизнь. А ты — считала ли ты нужным когда-либо ограничить себя? Никогда. Ты даже в теорию возводила этот бесшабашный разгул эгоизма.

И на наши отношения ты переносишь тот же взгляд. Ты говоришь: лучше я разорву, но никогда не стану стеснять себя, никогда не стану исполнять обещаний, никогда не буду пересиливать свою лень и распущенность, хотя бы другому они стоили жизни. Ведь это самое

значит твое: «хочу быть госпожой»? Да, ты не можешь быть ничьей рабой, потому что ты уже в рабстве — у своего безволия и эгоизма. Извини, что я написал тебе все это. Ведь тебе редко, небось, говорят правду, да и не все эту правду знают. И мне хотелось бы, чтоб ты несколько поразмыслила над собой и беспристрастно решила вопрос: кто больше не пускал тебя вперед — я или сама ты?

Не думай, что я писал по злобе. Мне, как и всякому, просто неприятно видеть, как человек идеализирует себя и из своих пороков делает достоинства.

Разрыв, после твоего письма, я считаю состоявшимся. Как теперь поведу я свою горемычную жизнь — покажут обстоятельства.

Все твои поручения будут исполнены. Относительно выкупа пальто ты несколько запоздала. 3-го я уезжаю из Орла².

Л. Андреев.

¹ Ср. запись в дневнике от 28 сентября 1892 г.: «Получил сегодня от З<инаиды> письмо. Вот его содержание:

“Я тебя очень люблю; плакала два дня, получивши твои письма, но рабой быть не хочу и не могу. Достаточно того, что была ей (?) два года, когда могла бы иметь своих рабов. "Я все для тебя готова сделать, но не как раба, а как госпожа". Мне очень тяжело будет разорвать с тобой, но я готова изменить себя и лучше страдать от разрыва (все равно ведь с тобой страдать придется), чем быть рабой”.

Ответил ей на это, что считаю разрыв состоявшимся.

Иначе невозможно было ответить. Если принять ее «барскую» любовь, это значит дать ей новые силы для совершения тех мелочей, которые меня мучают. Для того, чтоб ответить так, а не иначе, достаточно прочесть ее объяснение: “не писала оттого, что тяжело было отвечать на твои письма и не было бумаги и чернил”. Недурно?

Несмотря на мое: “считаю разрыв состоявшимся” — разрыв еще, конечно, не состоялся. За этой бумажной войной последует еще война словесная, так как от З<инаиды> слова отскакивают, а меня всегда ранят» (*Дн5*. Л. 7 об.).

² Из Орла Андреев выехал 5 октября, т.к. первой целью его поездки была встреча в Москве с приятелем А.П. Арбузовым. Из Москвы он 11 октября выезжает в Петербург для свидания с Зинаидой Сибилевой. В Орел он уехал приблизительно 11 ноября. (*Дн5*. Л. 9–16 об.).

Итак, Зинулочка, повторяю еще раз: нам нужно разорвать. Я хочу все, или ничего. Всего ты дать мне не можешь, потому что не любишь меня, а удовольствоваться тем, что ты даешь мне теперь и обещаешь дать в будущем — я не в состоянии. Я хотел бы довольствоваться малым, я пробовал это — но не могу. Мне нужно, чтоб *вся* ты принадлежала мне, чтобы ты была вполне моей рабой, и телом

и душой. Меня бесит, мучает каждый твой поступок, несогласный с моим желанием, и я ничего не могу с собой поделать. Я говорю себе: «это мелочь; не нужно так подавлять твою свободу», говорю это — и в то же время мучаюсь от этой мелочи и не могу выносить ее. Я старался до сих пор пересилить себя, но безуспешно. Меня, как и прежде, мучают эти мелочи: что ты долго не пишешь; что, несмотря на мои просьбы, ты не хочешь на минуту побеспокоить себя и прислать мне карточку, и т. д. И как ни тяжело, страшно тяжело будет для меня навсегда расстаться с тобой — но лучше расстанемся. Тогда по крайней мере я постараюсь забыть тебя, постараюсь как-нибудь иначе устроить свою жизнь. тогда я раз навсегда решу, что ты для меня потеряна; постараюсь не думать о тебе, забыть о твоём существовании. А то ведь это безобразие — ты, к счастью, этого не испытала: день и ночь думаю я о тебе, страдаю при мысли, что ты меня не любишь, возмущаюсь при воспоминании о разных «несправедливостях», оказанных тобой мне и т. д. Это положительно невыносимо. И я говорю тебе последний раз: так как ты не можешь — и не должна — быть моей рабой, то разойдемся. Иначе все это худо кончится.

Я медлил посылать это письмо. Мне слишком горько думать, что этим письмом кончаю все. Но ничего не поделаешь. Это единственное, что остается.

И помни, Зиночка: если ты ответишь, что любишь меня и не хочешь рвать, то дашь мне этим право требовать от тебя *всего*. И беда будет, если ты не исполнишь хоть одного требования. Или все, или ничего. На половине мириться я не хочу и не могу.

На письмо можешь и не отвечать. Все равно ответ может быть только один, т. е. что ты согласна на разрыв.

3^о октября я уезжаю в Питер. Если до тех пор не будет письма, я считаю дело оконченным. Будь уверена, что я ничего не имею против тебя: ты не виновата в том, что не можешь быть такой, как я хочу. В заключение просьба: отнесись посерьезней к сказанному мной. Понимаешь: я испытывал себя и убедился, что *не могу* дать тебе свободы, как ты ее понимаешь, и мы *должны* разорвать, иначе я замучаю и тебя и себя.

Наталья просит, чтоб обязательно уведомили ее, хоть телеграммой, о дне приезда Над<ежды>, и если это будет не скоро, то чтобы Над. прислала ей доверенность, так как Наталье нужны деньги, а у ней всего 80 руб. Действительно, у вас там происходит какая-то чертовщина. Что думает делать Над., и что вы обе с ней делаете, — покрыто мраком неизвестности. (Видишь, вот образец того языка,

каким я заговорю с тобой, если ты пожелаешь продолжать наши отношения).

Ну, Зинуручка, прощай, и вероятно навсегда. Целую тебя в последний раз и в последний раз подписываюсь

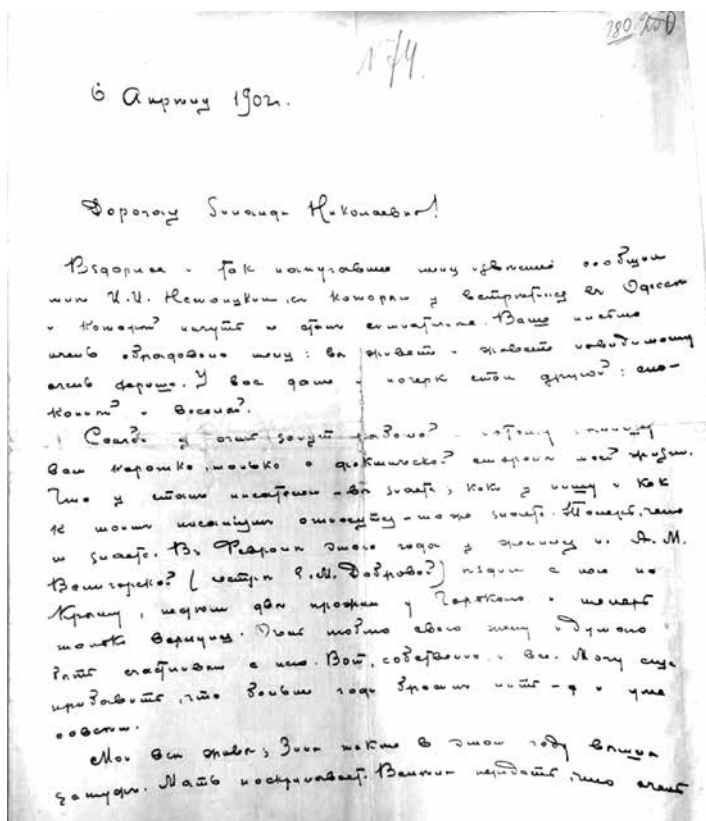
Твой Л. Андреев.

72

23 октября 1892. Петербург

23 окт.

Потрудитесь, уважаемая Зинаида Николаевна, взять от меня Ваши вещи, некоторые из них начинают уже портиться. Каждый день приходится выбрасывать прелые яблоки. Эти яблоки, а также бочонок грибов, попрошу вас передать Н.Т.

Л. Андреев. Письмо от 6 апреля 1902 г. РО ИРЛИ РАН

L. Andreev. Letter dated April 6, 1902 from Manuscript Department of Institute of Russian Literature

Дома застать меня можно от 4 до 6 ч. дня. За вещами самое лучшее пришлите Хлобощина или С. Хренникова. Адрес: Кирочная, 7, 24¹. Будьте любезны, пришлите заодно мои карточки.

---

¹ Ср.: «В Петербурге я остановился у Никольского» (*Дн5*. Л. 18 об.). Никольский — товарищ по орловской гимназии.

73

6 апреля 1902. Петербург

6 апреля 1902 г.

Дорогая Зинаида Николаевна!

Вздорное и так напугавшее меня известие сообщил мне И.И. Немолякин, с которым я встретился в Одессе и который ничуть не стал симпатичнее. Ваше письмо очень обрадовало меня: вы живете и живете, по-видимому, очень хорошо. У вас даже и почерк стал другой: спокойный и веселый.

Сейчас я очень занят работой и потому напишу вам коротко, только о фактической стороне моей жизни. Что я стал писателем — вы знаете; как я пишу и как к моим писаниям относятся — тоже знаете. Теперь, чего не знаете. В феврале этого года я женился на А.М. Веллигорской (сестре Е.М. Добровой), ездил с нею по Крыму, недели две прожил у Горького и теперь только вернулся. Очень люблю свою жену и думаю быть счастливым с нею. Вот, собственно, и все. Могу еще прибавить, что больше года бросил пить — и уже совсем.

Мои все живы; Зина также в этом году вышла замуж. Мать поскрипывает. Велела передать, что очень кланяется Вам. Она вас любит. Любит вас и Шура, и мы часто и помногу говорим о вас. В денежном отношении дела мои пока еще не особенно важны: приходится жертвовать своим делом и для заработка заниматься газетной работой (пишу в «Курьере» под псевдонимом Д. Линч и Л.-ев), но есть надежда на улучшение. Книжки мои пошли хорошо — в три недели продано 5000 втор<ого> издания¹ — и это освободит меня для чистой литературной работы. А литературу я люблю — до смерти!

Быть может, в мае будем с Шурой в СПб и тогда увидимся. Очень рад и очень благодарен, что написали.

Ваш Леонид Андреев.

---

¹ Речь идет о первом сборнике писателя: *Андреев Л.Н.* Рассказы. 2-е изд., доп. СПб.: Изд-е т-ва «Знание», 1902. Т. 1. 268 с.

Принятые сокращения

Сокращенно даются ссылки на рукописные подлинники дневников Л. Андреева, хранящиеся в Русском архиве в Лидсе (РАЛ; Leeds Russian Archive). Лидский университет (Великобритания). Выражаем глубокую благодарность хранителю Русского архива в Лидсе Ричарду Дэвису за предоставление расшифровок рукописей дневников Л. Андреева, а также за большую помощь в подготовке публикации.

Дн5 — Дневник. 1892.09.26 — 1893.01.04 // РАЛ. MS.606/ E.6.

Литература

1. *Андреев Леонид*. Дневник 1891–1892 гг. / публ. Н.П. Генераловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 г. СПб., 1994. С. 81–142.

2. *Андреев Л.Н.* Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. М.: Наука, 2005. Т. 1. 808 с.

3. «Дневник» Леонида Андреева / публ. Н.П. Генераловой // Литературный архив: Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб., 1994. С. 247–294.

4. Воспоминания Михаила О-на (Ольгина) о Леониде Андрееве (Девяностые годы прошлого столетия части московского студенчества) / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Л.В. Ивановой // Леонид Андреев: Материалы и исследования. М.: Наследие, 2000. С. 151–161.

Research Article and Publication of Archival Documents

Leonid Andreev's Letters to Zinaida Sibileva. Part II (1892, 1902)

© 2022. Natalia P. Generalova, Mikhail V. Koz'menko

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian
Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: This is the first complete publication of Leonid Andreev's letters to his first lover, Zinaida Nikolaevna Sibileva. The course of their relationship between 1889 and 1892 was stormy and very uneven. The letters reveal many previously unknown features of Andreev's life as a schoolboy and student. But they are more important for what might be called the diary of their writer's "inner states" reflected in them, the stream of his complex, sometimes "liminal" psychological experiences. Accepting (on Maupassant's authority) that letters illuminate someone's personality

more clearly, that they “expose the soul without any embellishments”, Andreev nevertheless regarded his epistolary output (as well as his diaries) as a kind of exercise in creative writing.

Keywords: Leonid Andreev at school and university, letters as a source of information and an “exercise in creative writing,” early 20th-century Russian literature, modernism.

Information about the authors: Natalia P. Generalova — DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Emb. 4, 199034 St. Petersburg, Russia. E-mail: generalovanatalia@gmail.com

Mikhail V. Koz'menko — PhD in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gor'ky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: uzium@mail.ru

For citation: “Leonid Andreev's Letters to Zinaida Sibileva. Part II (1892, 1902).”, text prep. by N.P. Generalova, comment. by M.V. Koz'menko *Literaturnyi fact*, no. 1 (23), 2022, pp. 100–145. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-100-145>

References

1. Andreev, L. “Dnevnik 1891–1892 gg.” [“Dairy. 18912–1892”], publ. by N.P. Generalova. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1991 g.* [The Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1991]. St. Petersburg, 1994, pp. 81–142. (In Russ.)

2. Andreev L.N. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 23 t.* [Complete Works and Letters: in 23 vols.], vol. 1. Moscow, Nauka Publ, 2005. 808 p. (In Russ.)

3. “Dnevnik' Leonida Andreeva” [“Dairy' by Leonid Andreev”], publ. by N.P. Generalova. *Literaturnyi arkhiv: Materialy po istorii russkoi literatury i obshchestvennoi mysli* [Literary Archive: Materials on the History of Russian Literature and Social Thought]. St. Petersburg, 1994, pp. 247–294. (In Russ.)

4. “Vospominaniia Mikhaila O-na (Ol'gina) o Leonide Andreeve (Devianostye gody proshlogo stoletii chasti moskovskogo studenchestva)” [“Memoirs of Mikhail Oh-na (Olgin) about Leonid Andreev (1890s of the Last Century, Part of Moscow Studensheep)”], introd., text prep. and comm. by L.V. Ivanova. *Leonid Andreev: Materialy i issledovaniia* [Leonid Andreev: Materials and Researches]. Moscow, Nasledie Publ., 2000, pp. 151–161. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 19.10.2021

Одобрена после рецензирования: 05.11.2021

Дата публикации: 25.03.2022

The article was submitted: 19.10.2021

Approved after reviewing: 05.11.2021

Date of publication: 25.03.2022